

The background of the book cover is a detailed illustration. On the left, a large, ornate wooden cross stands prominently. The cross has a twisted wooden shaft and a decorative, carved top. In the background, a stone building with Gothic architectural features, including pointed arch windows and a tall spire, is visible. The scene is set against a bright, hazy sky with soft clouds. The overall tone is historical and atmospheric.

ТЭД УИЛЬЯМС

ИМПЕРИЯ ТРАВЫ

ТОМ 2

ПОСЛЕДНИЙ
КОРОЛЬ
СВЕТЛОГО АРДА
КНИГА ВТОРАЯ

«ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
САМОГО ВЫСОКОГО ПОРЯДКА».

AMAZON.COM

fanzon

Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Тэд Уильямс

Империя травы. Том 2

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уильямс Т.

Империя травы. Том 2 / Т. Уильямс — «Эксмо»,
2019 — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-111320-9

Верховный Престол в опасности. Эрнистир заключил договор с королевой норнов. Наббан на грани кровавой гражданской войны, а на равнинах Тритинг мобилизуются кочевники, объединенные суеверным пылом и вековой ненавистью. Страны и народы Светлого Арда ссорятся между собой, войны, кровопролитие и темная магия угрожают всем уничтожением. И над этим нависает тайна Короны из Ведьминого дерева. Пока все рвут Светлый Ард на части от страха и жадности, несколько человек будут бороться за свои жизни и судьбы, еще не осознавая, что от них зависит выживание всего мира. Второй том эпической «Империи травы».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-111320-9

© Уильямс Т., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть вторая	5
Глава 31	5
Глава 32	18
Глава 33	29
Глава 34	40
Глава 35	50
Глава 36	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Тэд Уильямс

Империя травы

Том 2

Часть вторая

Осенний холод

Глава 31

Небытие

Танахайа провела ночь, исследуя сгоревшие руины дома и сады Иmano, тщетно пытаясь превратить свое горе во что-то полезное. Гибель столь знакомого и любимого места так походила на ее сны, вызванные отравленными стрелами, что иногда у Танахайи возникало ощущение, будто она все еще находится во власти убийственной лихорадки. Когда солнце наконец снова взошло на небо, смертный юноша проснулся, все еще полный сомнений и тревог. Танахайа жалела, что не может предложить ему ничего, кроме собственной опустошительной скорби, но, как учил ее мастер, постаралась показать Моргану уверенность и стойкость, хотя внутри у нее воцарилась холодная пустота скалы, выстуженной ледяным ветром.

– Разве мы никуда не идем? – спросил он, вернувшись после умывания в ручье.

Морган также пытался делать вид, что он в полном порядке, но у него получалось гораздо хуже, чем у Танахайи: она чувствовала запах его страха и видела сомнения в каждом движении тела.

– Нам нет никакого смысла здесь оставаться, – продолжал он. – Вдруг норны вернутся?

– Они и не уходили, – сказала ему Танахайа. – У меня нет ни малейших сомнений, что хикедая пришли в великий лес, и их было как никогда много. Я думала, что те, кто следовали за тобой, всего лишь разведчики, но теперь вижу, что проблема гораздо серьезнее. Маленький отряд или даже Рука Когтей королевы не смогли бы заставить Иmano врасплох – мой мастер обладал огромными знаниями и возможностями. Нет, его победили превосходившие силы врага. Они явились большим отрядом и совершенно сознательно убили моего наставника, который никогда и никому не причинил вреда и жил лишь для того, чтобы учить. Я не могу представить... – Ее голос прервался.

– Тогда у нас еще больше причин отсюда уйти, – сказал Морган. – Вернемся в мою страну, как ты и предлагала, где будем в безопасности. Мои дедушка и бабушка с радостью тебя примут. Они любят твой народ, Танахайа. И постоянно о нем говорят.

Она постаралась ободряюще улыбнуться, но настроение у нее оставалось мрачным.

– Это приятно слышать, и твой народ хорошо обращался со мной, когда меня ранили, – во всяком случае, так мне рассказывали. Но я до сих пор не до конца понимаю, что произошло в Цветущих горах. Я бы хотела провести здесь больше времени, чтобы исследовать окружающую местность и подумать. Лес скоро скроет следы того, что произошло, и правда окажется навсегда для нас недоступной, как Энки э-Шао'сэй, поглощенный гниением и лианами.

– Энки?... Я не знаю, что это такое, – признался Морган.

– Один из девяти знаменитых городов моего народа – теперь заброшенный.

Лицо Моргана оставалось напряженным – он пытался контролировать свои эмоции.

– Нам не нужны старые легенды, Танахайа. Мы должны уйти отсюда *сейчас*, до того, как вернутся норны.

Она покачала головой.

– Они сюда не вернутся. В этом нет нужды. Их цель, пусть я ее и не понимаю, состояла в том, чтобы уничтожить Иmano, а не чтобы править Цветущими горами.

– Значит, мы *останемся* здесь? – растерянно спросил Морган.

– Нет, не здесь. Я узнала все, что могла. Но мы должны рассказать остальным. Они не просто убили моего наставника, доброго ученого и собирателя мудрости. Это составляющая, как я теперь подозреваю, войны королевы Утук'ку, и мне необходимо разобраться – и рассказать зида'я о том, что случилось.

На лице смертного юноши появилось задумчивое выражение.

– Отец однажды сказал мне: «Недостаточно знать, *что* произошло, ты должен понять *почему*». Ты имела в виду нечто похожее?

– Складывается впечатление, что твой отец Джон Джошуа также был ученым, – сказала Танахайа, позволив утреннему солнцу омыть себя и придать сил. – Много лет назад я пришла в Цветущие горы к лорду Иmano, чтобы узнать, как следует учиться, и буду недостойной ученицей моего наставника, если стану просто скорбеть о его гибели, не сделав все, что в моих силах, чтобы понять, что здесь произошло – и почему.

Принц Морган нахмурился, но скорее от разочарования, чем гнева. Это качество смертных Танахайа уже не раз замечала в мальчике, но не до конца его понимала.

– А что в том свитке, который ты нашла? – спросил он. – Что в нем сказано? Твой мастер пытался унести его с собой – он оказался важным?

Танахайа достала пергамент из куртки.

– Возможно, он действительно пытался спасти свиток, а не держал в руках, когда на него напали, но я не понимаю, в чем его ценность. Это очень древние записи хикедая из Наккиги. Я могу прочитать слова, но они не складываются в осмысленные предложения, которые объяснили бы, что произошло. Тут рассказывается нечто вроде истории того, что случилось до Прощания, когда кейда'я разделились на два племени, хикедая и зида'я – вы называете их норны и ситхи. – Танахайа посмотрела на плотно написанные руны, маленькие и четкие.

«Как нам повезло, – подумала она, – что лишь малая часть залита кровью учителя».

– Здесь довольно небольшая часть истории, списки того, что взяли с собой хикедая, когда отступили в Наккигу, что оставили и какие вещи стали предметом спора между разошедшимися в разные стороны племенами, но это старые распри и старые обиды. Хикедая всегда утверждали, что мы взяли лучшую часть наследства нашего народа себе.

Морган огляделся по сторонам, по-прежнему не в силах справиться с тревогой.

– Мне неизвестны эти истории. И я не знаю, что такое Сад.

Танахайа выпрямилась.

– Тогда я тебе расскажу. Даже если хикедая не смогут довести до конца свои планы, направленные против нас, я боюсь, что наступит день, когда эти земли станут принадлежать только смертным. И будет очень обидно, если о нашем народе не сохранится даже памяти. – Она спрятала пергамент в куртку. – Но твой урок будет проходить не здесь. Я могу думать и говорить по пути. К тому же у нас теперь появилась новая, очень важная задача.

– Вернуться в Хейхолт – в мой дом.

– Нет, хотя со временем я тебя туда отведу. Но сначала я должна рассказать своему народу в Х'ран Го-джао, что тут произошло. То, что я нашла тебя, важно, но им это уже известно. Однако ты даже представить не можешь, какое огромное значение имеет то, что я здесь обнаружила.

Морган собирал свои скудные вещи, но теперь остановился и с недоумением посмотрел на Танахайю.

– Но как ты смогла рассказать им, что нашла меня? Когда? Я думал, тебе не удалось найти зеркало Иmano. Его Свидетеля.

– Да, я его не нашла, – кивнула Танахайа. – Но когда несколько дней назад я в первый раз обнаружила твой след в лесу и догадалась, что дальше ты стал передвигаться по деревьям, я поняла, что не смогу нагнать тебя верхом. Тогда я отправила своего коня к друзьям и дала им знать, что видела твой след в лесу, но он удаляется от твоего дома.

Непонимание на его лице только усилилось, и это вызвало у Танахайи улыбку, хотя скорбь не покидала ее все это время.

– Неужели лошади ситхи умеют говорить? – спросил Морган. – Как ты могла сообщить обо мне своим друзьям?

Танахайа рассмеялась, и малая часть ее горя улетела, немного облегчив состояние духа.

«Спасибо тебе, Жизнь, – подумала она. – Спасибо за дар памяти о том, что было, и о том, что когда-нибудь снова может быть».

– Нет, наши лошади не говорят, – сказала она. – Какие странные идеи у смертных о нас! Я написала слова обожженной палочкой на коре и положила ее в седельную сумку. Но даже если Адиту и Жирики прочитают мое послание, они не будут знать, что я тебя нашла, а новость о том, что Иmano убит, гораздо важнее для моего народа. Мой мастер был одним из величайших и мудрых старейшин, его хорошо знали даже в Наккиге. Убившие его хикедая попали сюда не случайно. Они пришли, чтобы расправиться с Иmano.

– Но мы не можем пойти в лагерь ситхи! Ты сказала, что хикедая окружают нас со всех сторон! – Морган пытался сохранять спокойствие, но у него не очень получалось. – Я... скучаю по дому. Я хочу туда вернуться. Пожалуйста.

Она постаралась, чтобы ее голос прозвучал успокаивающе.

– Я не собираюсь возвращаться до самого Х’ран Годжао. Ты прав – он далеко, а новость слишком зловещая, чтобы ждать так долго. Мы должны как можно скорее отыскать Свидетеля.

– Но почему его у тебя нет, если это так важно?

– Их осталось совсем немного. Свидетеля, которого мне дали, когда я отправилась с миссией к твоим дедушке и бабушке, у меня украли в ваших землях после нападения. – Она замолчала, почувствовав тревогу из-за того, что слишком сильно доверилась смертному юноше, но решила оставаться честной до конца.

– И, если уж совершенно откровенно, против моего нынешнего отъезда яростно возражали защитник Кендрай’аро и еще кое-кто из ситхи, и мне не удалось получить еще одного Свидетеля. Но не отчаивайся. – Она указала вниз, вдоль склона холма, где зелень деревьев смягчала тень гор. – Там мы найдем ручей, который стекает с горной вершины, а внизу впадает в великую реку Т’си Сайасей – я думаю, ваш народ называет ее Эльфвент. Если мы пойдем вдоль ручья на север, то через день или два доберемся до Да’ай Чикизы, древнего города моего народа, заброшенного много лет назад.

Танахайа видела, что Моргану совсем не хочется идти на север.

– И ты думаешь, что там будет один из Свидетелей? Но ты же сказала, что город давно заброшен.

– Да’ай Чикиза *был* заброшен, да. Но после уничтожения Джао э-тинукай’и и смерти Амерасу во время события, которое вы называете войной Короля Бурь, некоторые представители моего народа покинули Маленькие лодки, чтобы вернуться к прежним обычаям и старым местам жизни, заявив, что они не хотят иметь ничего общего с двумя соперничающими племенами. Они называли себя *Джонзао* – «Чистые», пожалуй, именно так переводится это слово на твой язык – и часть из них осела в Да’ай Чикизе. Если существует Свидетель на расстоянии нескольких дней пути отсюда, мы найдем его там.

– Значит, ты даже не уверена, что он там есть?

– Чистые чтят старые традиции еще больше, чем мы. Но нет, принц Морган, я ни в чем не уверена, кроме того, что опасность усиливается с каждым днем. Хикедэ’я все еще малочисленны и не станут начинать войну так далеко от собственного дома, просто следуя капризу. Что-то происходит – что-то жуткое. Я это ощущаю, как смертный способен чувствовать запах пожара или пролитой крови.

– Но даже если у Чистых есть Свидетель в городе, как ты собираешься идти вдоль реки через лес пешком? Это займет ужасно много времени!

На этот раз Танахайа рассмеялась, пораженная и почти довольная полной беспомощностью смертных.

– О, Морган! Твои предки прибыли сюда, переплыв западные моря! Ты наверняка сможешь построить лодку!

– Только не я, – мрачно сказал Морган. – Меня учили сражаться и складывать числа. Я принц.

– Тогда я тебе покажу, – пообещала Танахайа и снова улыбнулась, хотя у нее продолжало болеть сердце. – Так я смогу почтить память моего наставника Иmano.

Сверчки гудели в сухой траве, когда они спускались по склону холма, и семена цеплялись к одежде Моргана, точно маленькие отчаянные беженцы. Солнце стало таким ярким, что ему пришлось набросить плащ и опустить капюшон на лоб.

Разговор о Свидетеле заставил Моргана со смущением подумать о вещах, которые он скрыл от Танахайи.

– А может ли кто-то говорить с тобой, но без Свидетеля? – спросил он у нее. – Скажем, во сне?

Она бросила на него странный взгляд.

– Возможно, некоторые адепты на такое способны, в особенности если они близки к Мастеру Свидетелю. Всегда существовали вопросы о Дороге Снов и достоверности полученных с ее помощью сообщений. Но я все еще молодая ученица. Я не знаю ответа, Морган.

– Я не понимаю большей части того, что ты мне говоришь, – признался он. – Свидетель, Дорога Снов. Об этих вещах я слышал только в детских сказках. Но есть нечто, о чем я должен тебе рассказать. – Он сделал несколько вдохов, как ребенок, делающий признание родителям. – Ваша королева Ликимейя говорила со мной. В пещере с бабочками. Она говорила *у меня в голове*. Я ее слышал!

– Я знаю.

Он в полнейшем изумлении посмотрел на Танахайю.

– Ты знала?

– Конечно. Случилось нечто странное, нечто невероятное – неужели ты думаешь, что Адиту и Джирики не рассказали мне об этом после того, как я пришла в себя после вызванной ядом лихорадки?

Такая мысль не приходила ему в голову.

– Значит, ты знаешь. Но ты *не можешь* знать – и они тоже – что она продолжает говорить со мной. В моих снах.

– Ликимейя говорит с тобой в твоих снах? Ты уверен, что это она?

– Да, ваша королева, – сказал Морган. – Но прошло уже некоторое время с тех пор, как это случилось в последний раз.

Танахайа задумчиво покачала головой.

– Ликимейя не королева – она Са'онсера, титул куда более редкий и благородный, но я не стану сейчас пускаться в объяснения. Скорее расскажи мне, что она тебе говорила.

Морган поведал Танахайе все, что сумел вспомнить, но сны и слова Ликимейи были странными и сбивающими с толку, даже когда он услышал их в первый раз, и большая часть выветрилась из его памяти.

Когда Морган закончил рассказ, Танахайа долго молчала.

– Эти тайны мне недоступны, – наконец заявила она. – С ними придется подождать до тех пор, пока я смогу поговорить с более мудрыми, чем я. – Она издала тихий мелодичный звук, возможно, вздохнула. – Но мне становится очевидно, что ты имеешь огромное значение в этой истории, Морган. Ты слышал слова спящей Са'онсеры, видел Туманную долину, встретил ее чудовищного стража и выжил – практически ни с одним представителем нашего народа такого не случалось. Течение судьбы занесло тебя в такие места, где смертные бывали очень редко или не бывали никогда. И я верю, что ты – как и твой дед – должен сыграть какую-то роль в делах моего народа, но какую – мне пока неизвестно.

– Какую-то роль в *чем*? – Какое бы сильное впечатление ни произвели на Моргана слова Танахайи о его исключительности, они едва ли могли прогнать его растущую тоску по дому.

– В части бесконечного сражения, которое никогда не кончается, – ответила она. – В войне между зида'я и хикедя'я – ситхи и норнами, как вы нас называете. Потому что это и твое сражение. Слишком часто смертные расстраивали планы хикедя'я. И они хотят уничтожить твой народ еще сильнее, чем мой. Из чего следует, что у вас нет выбора – вы должны быть готовы присоединиться к сражению.

– О какой войне ты говоришь? Я тебя не понимаю.

– Конечно, не понимаешь. Как ты можешь? Но тебе необходимо знать легенды, принц Морган, в особенности если ты однажды станешь править другими смертными. И, если мой народ все еще будет здесь, когда придет твое время, ты должен нас понимать. А если мы уйдем, тебе придется учиться на наших ошибках.

Морган лишь махнул рукой, сдаваясь. Он знал: когда те, что были старше, собирались ему что-то рассказать, они это обязательно делали, и их не волновало, хочет он их слушать или нет.

– Значит, ты собираешься не только научить меня, как строить лодку, но и преподавать пару уроков истории?

Танахайа улыбнулась, и печаль ее улыбки показалась ему знакомой. На лице его отца часто появлялось такое же выражение в последний год его жизни, когда он уходил от семьи, чтобы вернуться к занятиям, отнимавшим почти все его время.

– Боюсь, я должна, – ответила Танахайа. – И, как я уже говорила, именно так я смогу сохранить мастера Имано в своем сердце – и, быть может, в твоем, пусть ты и не будешь об этом знать.

Морган вздохнул.

– Тогда продолжай.

– До того как ты увидишь Да'ай Чикизу, куда мы направляемся, – начала она, – ты должен узнать, как мой народ пришел в эти земли изгнания. Потому что наше путешествие началось очень далеко, в совершенно другой земле – Вениха До'сэ, Потерянном Саду. Если мой народ и существовал до Сада, память об этом утрачена, не осталось ни письменных свидетельств, ни легенд. Даже старейшие из кейда'я не помнят времена до Сада.

– Кей-дай-я? – Он смотрел, как зеленушка прыгала с ветки на ветку и пожалел, что он не птица и у него нет возможности просто вернуться на деревья.

Там жизнь была намного проще. Он почти ею наслаждался.

– Да, кейда'я, так мы называли себя в те дни. Это означает «Дети ведьминого дерева». В Саду, в Звездной долине, рядом с великим Морем Мечты, ведьмины деревья были центром нашего мира. Сначала они росли произвольно на склонах гор, но в самые ранние дни, что мы помним, нам удавалось собирать семена и выращивать их для себя; ухаживать за ними и придавать нужную форму, и использовать не только само дерево, но и кору, плоды и листья. Мы строили дома вокруг этих садов – и так вырос наш первый город, Тзо – «Звезда», потому что по ночам их свет был подобен сиянию созвездий на небе. Мы также научились выращивать хлебные злаки и фрукты, чтобы кормить население, которое постепенно увеличивалось.

Морган уже слышал негромкое журчание реки внизу и старался не отставать от Танахайи, когда та уверенно шагала вниз по склону.

– Ведьмино дерево давало нам инструменты и строительные материалы, – продолжала она, – мы становились лучше, чем были раньше. Его плоды даровали жизнь – а не просто существование, и постепенно мы стали жить дольше. Листья и цветы дарили сны, помогавшие понять, кем мы были и куда движемся. Но сны, какими бы мрачными они ни бывали, не предупредили нас о том, что произойдет, какую суровую судьбу мы на себя навлечем.

– Что ты хочешь сказать? Что случилось?

– Я объясню столько, сколько возможно, Морган. Но это еще не часть истории. А теперь слушай. – Она остановилась, и Морган также замер, решив, что она услышала, как кто-то за ними идет, но Танахайа продолжала: – Мы, кейда'я, создали собственное ведьмино дерево, подчинявшее живой мир нашей воле. Мы думали, что так и должно быть, и будет длиться вечно. Но Сад начал противиться нашей власти – хотя мы тогда этого не поняли. – Несколько мгновений она не могла найти слов. На солнце ее золотая кожа казалась гладкой и блестящей, точно металл. – Сначала это было загадкой и страхом. Из Моря Мечты стали появляться жуткие существа, которые наводили на наших людей ужас. Морские звери разбивали корабли.

Странные тени рыскали там, где прежде обитал лишь лунный и звездный свет. Драконы – тогда их увидели впервые – выбрались из глубин, уничтожая всех, кто пытался встать у них на пути. – Она снова пошла вперед, спускаясь вниз по склону, в сторону журчащей воды.

– Каждый из Великих Лет моего народа длится столько, сколько жизнь смертного, и многие Великие Годы прошли в новом Саду, где был нарушен порядок, – месте, в котором прежде все дышало радостью, а теперь поселился мрак. Мы сражались с огромными драконами и другими ужасными существами, выходившими из Моря Мечты – моря, которое стало нашим врагом, хотя мы этого еще не понимали, или, по меньшей мере, соперником в борьбе за суверенность Сада. Некоторые из нас – например, великий воин Хамако Червеубийца – загнали змеев на вершины самых высоких гор, и на некоторое время возникло впечатление, что их вовсе не существует, но передышка оказалась недолгой.

Са'онсера, подруга Хамако, наделенная ясновидением и склонностью к созерцательности – тогда как ее муж был отважным и не знал сомнений, – отправилась в Храм Собирателей и постилась много дней. Наконец ей приснился сон, где Сад был огромным существом, а Море Мечты величайшей частью, его окружавшей, с существами, мирно плавающими в глубоких и неизведанных водах. Из этого сна родилась Тропа Са'онсерей, по которой мы, зида'я, все еще стараемся следовать, однако ее сон приняли не все, для кого Тзо был домом.

Именно с этого момента и началось легендарное Прощание норнов и ситхи – не в тех землях, что известны тебе, Морган, но еще в нашем старом доме, который сейчас никто, кроме древней Утук'ку, и не помнит. Последователи Хамако Червеубийцы продолжали верить, что, только уничтожив все угрозы, мы сможем выжить. Они не понимали тех, кто обладал разумом Са'онсеры, утверждавшей, что нам следует найти способ жить в гармонии с окружающим миром.

Ее сторонники ждали нового рассвета понимания, так они себя видели. Последователи Хамако считали, что мрак океана и ужасы, из него выходившие, уничтожат свет кейда'я, и лишенный их силы народ обречен на полнейшее уничтожение. Так, впервые, они начали называть себя Дети Рассвета и Дети Облаков, и между ними пролегла граница веры. Последователи двух разных путей продолжали жить вместе, выходили замуж друг за друга и работали бок о бок, даже в старейших семьях, но возникшая трещина стала постепенно расширяться.

Танахайа и Морган добрались до подножия горы и смогли разглядеть реку, шепчущую и поющую, окруженную коричневым и серым тростником, который рос по берегам. Они немного отдохнули у воды, по крайней мере Морган – Танахайа продолжала стоять, она все еще не знала покоя, и ее слова продолжали литься бесконечным потоком.

– Однако Сад не переставал нас удивлять, – продолжала Танахайа, точно поток, однажды начавший свой путь, уже не мог остановиться, пока он не доберется до самого конца. – После многолетней войны с драконами и другими жуткими существами, в результате которой погибло много наших людей – и огромное количество драконов и чудовищ, хотя о них никто и не думал скорбеть, – в Саду появились тинукед'я. Никто не знал, откуда они пришли, хотя существовало мнение, что из самого Моря Мечты, и их стали называть Детьми Океана. Сначала они не были похожи на нас, но со временем оборотни стали все меньше и меньше отличаться от кейда'я, и вскоре мы уже с трудом отличали одних от других. Однако, несмотря на внешнее сходство с нами, тинукед'я мыслили не так, как мы. Часть из них основали поселения рядом с нами, чтобы показать возможности, до которых мы не додумались сами.

Но другие, принимавшие странные формы, жили далеко от кейда'я – и некоторые из них не слишком отличались от животных. Вскоре не слишком похожих на людей оборотней начали превращать в рабов, чтобы они делали работу, которую кейда'я не хотели или не могли выполнять сами. Хуже того, мы стали разводить их, как смертных собак и лошадей, в соответствии с нашими нуждами, потому что оборотни могли принимать разные формы даже при переходе от одного поколения к другому. Со временем мы научились делать так, чтобы они размножались в

нужном нам направлении. Носильщики, ниски и даже волосатые существа, которых смертные называют гигантами, – все они сначала появились в потерянном Вениха До'сэ, где мы создали их собственными руками, для себя.

– Я знаю, кто такие ниски, – сказал Морган, который обрадовался, что ему хоть что-то знакомо в истории Танахайи. – Ну и гигантов, конечно. У норнов, напавших на нас возле Риммерсгарда, был гигант. Солдаты и даже мой дедушка сказали, что он самый большой из всех живых существ, что они видели.

– Значит, он был старым, – сказала Танахайа. – Они не перестают расти, так мне говорили. Некоторые из самых старых гигантов даже умеют говорить.

– В самом деле?

– Да. Потому что ниски, гиганты или даже носильщики, к которым относятся как к тягловым животным, – Дети Океана. И, несмотря на свой внешний вид, они не животные.

– Значит, и чики такие же? – спросил Морган. – Тинуки... они тоже оборотни?

На мгновение на лице Танахайи появилось недоумение.

– «Чики» – маленький народец, живущий на деревьях, с которым ты путешествовал? Да, я почти уверена, что они также тинукедая, хотя мне не доводилось видеть таких, как они, раньше.

Они пошли вдоль берега ручья, следуя за его течением между золотыми горами, под аккомпанемент стрекота насекомых и птичьего щебета. Некоторое время Танахайа молчала, что стало облегчением для Моргана, ошеломленного огромным количеством имен и сложной истории, но тут ему в голову пришла новая мысль.

– Ты говорила, что ваш народ покинул Сад, – сказал он. – Но почему? Если Сад был таким прекрасным местом, почему вы пришли сюда?

– Потому что в своем высокомерии Хамака совершил ужасную ошибку. – Танахайа склонила голову набок и прислушалась. – Мы уже совсем недалеко от реки – быть может, сегодня у тебя на ужин будет рыба, Морган.

Но даже такая упоительная перспектива не могла сейчас его отвлечь.

– Какую ошибку? – спросил он.

– В своей решимости уничтожить драконов и других существ, рожденных Морем Мечты, последователи Хамако – в том числе и его потомок Утук'ку – начали искать новые способы уничтожения врагов. И это привело их к открытию Небытия.

– Небытия? – В первый раз Морган поставил под сомнение безупречное владение Танахайей вестерлингом. – Ты уверена, что говоришь правильно? Это же бессмыслица.

Танахайа посмотрела Моргану в глаза, и он вдруг увидел у нее на лице печаль, напавшую на нее о ее возрасте.

– Я бы хотела, чтобы так было, – сказала Танахайа. – На нашем языке – А'до-Шао. На твоём – «Небытие» подходит больше всего. Других понятий у вас попросту нет. Есть некоторые вещи, смертный принц, – продолжала она, – которых быть не должно. Обычные слова не могут их описать ни в твоём языке, ни в моём. Как что-то может быть огромным и маленьким одновременно? Живым и мертвым? Как нечто может существовать и *не* существовать? Но Хамако открыл этот секрет, тайну Небытия. Оно не просто уничтожало то, к чему прикасалось, но делало так, будто его вообще не существовало прежде.

Пока Морган пытался понять, как такое может быть, они продолжали шагать по крутому, заросшему травой склону, между искореженными дубами с ветвями более изломанными, чем

конечности калек, просящих милостыню перед собором Святого Сутрина. Теперь и Морган слышал шум реки внизу – грохот на фоне звонкой музыки близкого ручья, глухой рев толпы, кричащей одновременно на значительном расстоянии.

– Я не понимаю, – наконец признался он. – Это нечто, похожее на чуму? Что-то вроде Красной смерти?

Танахайа покачала головой.

– Сейчас мы совсем мало знаем про Небытие, но оно не похоже даже на самый худший мор. Мать Амерасу, Сендиту, последняя зида'я, помнившая Вениха До'сэ, могла лишь рассказать, что оно распространилось по Саду как грозовая туча, и от того, к чему оно прикасалось, не оставалось ничего – ни травы, ни камня, ни неба, ни даже сожалений. *Ничего*. Небытие пожирало все, что оказывалось у него на пути.

– Но как это случилось? И как твоему народу удалось выжить?

– Нас спасло только то, что поначалу оно двигалось медленно, но, когда процесс начался, его уже нельзя было остановить или заставить повернуть назад. Я не знаю, откуда оно появилось. Философ Хамака по имени Нерудад создал Небытие – или обнаружил, – и именно его первого оно поглотило. – Теперь Танахайа говорила с трудом. – Старейшины рассказывали, что этот ужас был подобен черному огню, который ничто не могло потушить, хотя он не имел формы и от него не исходило жара – пустота, которая превращала в *пустоту* все на своем пути.

– Но ведь здесь его нет? – с тревогой спросил Морган.

Он с трудом заставил себя не оборачиваться, чтобы проверить – не крадется ли за ними по склону Небытие.

– Нет. Говорят, что тайна его создания умерла вместе с Нерудадом. Тем не менее оно живет в сердцах нашего народа, и порой мне кажется, что *это* нельзя исправить. – Она вздохнула. – Мне больно говорить о том, что тогда произошло.

Ручей, вдоль которого они шли, повернул в последний раз, когда они обогнули небольшую ивовую рощу, и Морган вдруг увидел огромную сверкающую реку, вытянувшуюся на дне долины, точно чудовищная змея, а ее поверхность волновалась под косыми лучами солнца, уже начавшего клониться к закату.

– Здесь, – сказала Танахайа и остановилась.

И вдруг, невероятно удивив Моргана, громко запела на своем языке, он не понимал текущих модуляций ее голоса, мелодия поднималась и опускалась, словно плыла по темной стремительной реке.

– Я спела о реке Т'си Сайасей, – сказала она, когда короткая песня закончилась. – Вот что она означает: «Ее кровь холодна, Ее мысли зелены, Она старше Мысли, шире Времени». Это гимн великому лесу и рекам, что являются его венами. – Танахайа широко развела руки в стороны. – Я рада снова тебя видеть, – воскликнула она, словно река могла ее услышать. – Хорошо. – Она повернулась к Моргану, по ее губам пробежала улыбка, и она стала похожа на озорную девушку. – Теперь, когда мы наконец до нее добрались, – продолжала она, – ты сможешь поймать рыбу? Или предпочитаешь резать тростник?

– Я уверен, что смогу поймать рыбу, – заявил Морган без особой убежденности.

– Ну, тогда займись рыбой, а я буду резать тростник, – предложила Танахайа.

– Зачем?

– Чтобы сделать лодку, конечно.

Морган в смятении смотрел на редкие хрупкие стебли, росшие вдоль ручья, и куда более густые на берегах реки.

– Мы будем строить лодку из *этого*?

Танахайа рассмеялась, Морган уже довольно давно не слышал ее смеха, подобного птичьей трели, и он показался ему ободряющим, но совсем не похожим на смех смертных.

– Если только ты не рассчитываешь добраться до Да'ай Чикизы вплавь, тогда да, принц Морган, мы будем строить лодку.

Бинабик поставил камень на границе лагеря, почесал Вакану за ушами, что всегда нравилось волчице, и она вываливала язык и закрывала глаза. Они не стали разжигать огонь из-за норнов, которых заметили всего два дня назад.

– Нет, не спеши пока упаковывать наши немногочисленные вещи, – сказал Бинабик Сискви. – Нам нужно устроить семейный совет и многое обсудить.

– Позволь мне совершить еще одну попытку, – сказала Квина. – Клянусь нашими предками, я смогу отыскать след.

– Но сегодняшний день говорит мне другое, – ответил ее отец. – Нет, сначала мы должны сесть и все обсудить, как семья.

– Но здесь не Минтахок, – недовольно возразила Квина. – Тут нет огня, чтобы за ним ухаживать, нет поручений, которые следует раздавать. И чем выше забирается в небо солнце, тем больше мы теряем времени.

– Именно так, – ответил Бинабик. – Если ты преследуешь то, что не в силах увидеть, тебя могут застать врасплох враги, которых ты не заметил.

– Избавь меня от старых поговорок, отец, – с кислым видом заявила Квина. – Я думаю, что слышала их все. Кто произнес эти мудрые слова? Твой мастер Укекук? Или хранитель манускрипта из нижних земель?

– Так уж получилось, моя острая на язык дочь, что эта фраза принадлежит моей матери – и твоей бабушке, – и она была права, потому что она и мой отец попали в снегопад и погибли. Вот почему ты не знала ее и своего деда – а только родителей матери.

Квина пожалела о своих последних словах, но не считала себя слишком уж виноватой.

– Почему именно сейчас? – спросила она. – Почему не поговорить вечером, когда мы не сможем искать принца Моргана?

– Потому что прошлой ночью я думал, – ответил ее отец. – Я думал долго, пока ты и Младший Сненнек издавали столько звуков во сне, что могли напугать медведей. И, кстати, раз речь зашла о нем, где твой нареченный?

– Сненнек отправился за водой для мытья, – вмешалась ее мать. – Он очень старается быть хорошим зятем.

– Да, ты права, – согласился Бинабик. – А я стараюсь быть хорошим отцом. По правде говоря, я так стар и настолько полон мудрости, что иногда боюсь лопнуть. Но моя дочь постоянно ставит под сомнение все мои слова. – Однако он не выглядел раздраженным, только усталым, и Квина подошла к нему и быстро поцеловала в щеку.

– Извини, отец, – сказала она. – Но ждать очень трудно, а в последние дни мы часто это делаем.

Сненнек вернулся в лагерь, и с его шеи, как седельные сумки, свисало полдюжины мехов с водой.

– Почему воды никогда нет на вершине горы, где мы неизменно разбиваем лагерь? – спросил он. – Это вопрос, который мучает даже мудрых. Или почему мы не разбиваем лагерь внизу, где есть вода?

– Москиты, – ответил Бинабик. – И медведи, которые спускаются на водопой посреди ночи. А еще есть Речной человек, который ждет, чтобы увлечь тебя в свое глубокое логово,

пока твои легкие не наполнятся мутной водой. Но, если ты хочешь спать на берегу, чтобы облегчить себе утреннюю работу, у тебя есть мое разрешение.

Сненнек сбросил мехи с водой на землю. Рядом принялись фыркать и перебирать ногами бараны, которым предстояло их нести.

– Я вам отвечу нет, мастер. Я молод и все еще красив. И не хочу, чтобы мое лицо изуродовали летающие демоны, не говоря уже о медведях. Ведь тогда Квина может перестать меня любить.

– Я всегда буду любить твое лицо, мой нареченный, – сказала она. – В особенности когда ты помалкиваешь.

– Каким острым языком обладает моя дочь! – качая головой, сказал Бинабик, но на этот раз слова дочери понравились ему гораздо больше.

– О! Я ранен! Я ранен и при смерти! – Сненнек сел на землю рядом с Бинабиком. – Дайте мне отдышаться и промочить горло, и тогда мы сможем снова двинуться в путь.

Квина закатила глаза.

– Мой отец хочет поговорить, – проворчала она.

– Хорошо. – Сненнек поднял один из мехов с водой и сделал большой глоток. – Давайте сначала поговорим о том, где мы можем найти еще кангканга, потому что я скоро умру, если мне придется пить только воду. Даже пиво крухоков лучше для внутренностей. Вода хороша, если нужно напоить баранов, а когда становится очень холодно, она превращается в снег, и это тоже нормально, но это совсем неподходящее питье для Поющего.

– Ты еще им не стал, – заметил Бинабик. – А теперь присоединяйся к нам, жена. Мы поможем тебе с оставшейся работой позднее. И ты, дочь моего сердца.

Квина подошла ближе, села рядом со Сненнеком, протянула руку и вытерла ему лоб широким рукавом.

– Ты не привык проводить лето в этих краях, – негромко сказала Квина.

– Лето? Лето – это Синее грязевое озеро, где сияет солнце и дует ветер. – Сненнек нахмурился. – Там мужчина может жить и не становится тощим. Здесь все не так. – Он вытер лоб, который снова успел покрыться потом. – Ваше «лето», как вы его называете, это все равно что поселиться на суповом камне и проводить все свое время на дне кипящего котелка. А ведь еще только утро!

– Мы останемся в южных землях еще некоторое время, – сказал Бинабик, – поэтому тебе придется смириться с жарой, Сненнек. Но мы не можем продолжать двигаться дальше по лесу. С каждым днем следы становятся все менее отчетливыми, нам приходится тратить много времени на их поиски, в результате расстояние между нами и Морганом увеличивается.

– Но это не имеет смысла, – пожаловался Сненнек. – Принц спустился с деревьев или перестал пользоваться железными когтями, которые я для него сделал. Почему его стало так трудно находить? Квина должна без проблем видеть его следы на земле.

– Я не знаю причин, – сказал Бинабик. – Но мне становится очевидно, что нам следует поступить иначе. Нас едва не поймали хикедая. Если бы не острый слух Сискви, мы были бы уже мертвы – все.

– Но мы двигаемся в другом направлении, – заметила Квина. – Едва ли нам следует беспокоиться из-за солдат норнов.

– Да. Однако нельзя исключать, что они также ищут Моргана, – заметил Сненнек. – Поэтому нам нужно найти его как можно скорее – и не важно, каким способом.

– Да. Поэтому мы поворачиваем в Эркинланд, – сказал Бинабик и поднял руку, когда Квина и Младший Сненнек начали протестовать. – Мы должны вернуться к Саймону и Мириамель в Хейхолт, чтобы рассказать им, что нам удалось узнать. Может быть, они даже не подозревают, что их внук Морган пропал, нам ведь неизвестно, добрались ли до них эркинландские солдаты с моим посланием. И если здесь, в великом лесу, появились хикедая, которые

не осмеливались показываться тут в течение столетий, наши друзья должны обязательно об этом услышать.

– Но мы не можем перестать искать принца Моргана! – воскликнула Квина. – Мы же знаем, что он где-то рядом. И он не мог отрастить крылья, если только ты не врал мне всю жизнь относительно того, на что способны жители нижних земель.

Ее отец печально улыбнулся.

– Я говорил тебе только правду, моя маленькая снежная кошка, – во всяком случае, то, что знал сам, ведь никто не может знать всего. Но нам нельзя больше терять время. Будь мы ситхи, мы воспользовались бы магическими зеркалами, чтобы поговорить с друзьями, находящимися далеко. Если бы мудрая Джелой была еще жива, нам помогли бы птицы, которых она специально обучала, – так общались между собой члены Ордена Манускрипта. Но сейчас остались только мы, наши глаза и языки, и нам необходимо рассказать друзьям о принце. Они отправят на поиски в лес много солдат, и те сумеют разобраться с хикедэ'я, если их встретят.

– Я не могу бросить принца Моргана, – заявил Сненнек. – У нас с ним общая судьба. И я знаю, что это правда.

– Только не говори мне о судьбе, пожалуйста, – с меньшей уверенностью ответил Бинабик. – Сейчас речь идет о судьбах огромного количества людей – их столько, что не хватит всех счетных палочек во всем Минтахоке, чтобы их сосчитать. Мы должны уберечь как можно больше, невзирая на боль, которую нам причиняет это решение.

– Тогда *мы* продолжим поиски принца Моргана, – сказала Квина. – А ты и мама отправитесь в Эркинланд, чтобы сообщить новости. Мы со Сненнеком останемся и найдем принца. Мы знаем, какие опасности ему грозят, – а сколько пройдет времени, пока твои друзья пришлют сюда солдат?

– Не нужно вырывать наши сердца из груди, Квина, – вмешалась ее мать. – Саймон и Мириамель потеряли внука. Как мы можем лишиться единственной дочери?

– Вы и не лишитесь, – сказала Квина. – Мой нареченный часто слишком много говорит, но он умный и сильный – как и я. Мы больше не дети. Вы должны понять, что это лучший путь, и сейчас не важно, боитесь вы за меня или нет.

Конечно, ее мать и отец не согласились, но Квина отличалась упрямством, а Сненнеку хватило ума предоставить ей вести дискуссию. Почти час они спорили, возвращаясь к одним и тем же доводам, точно ласточки на озере Синей грязи, метавшиеся взад и вперед за веточками для строительства гнезда, пока обе стороны не возвели огромную стену из аргументов, но Квина была достойным продолжением не только матери, но и отца, и им не удалось ее переубедить.

– А если я прикажу тебе как отец идти вместе с нами? – наконец спросил Бинабик.

– Тогда я тебя послушаюсь. Потому что ты не для того привел нас в этот мир, чтобы мы стали твоими глазами и руками и делали только то, чего хочешь ты. Ты создал нас цельными, с разумом, способностью мыслить самостоятельно и сердцами, умеющими отличать истинное от ложного. Неправильно упускать шанс найти Моргана после того, как мы так долго за ним идем – быть может, мы больше никогда не окажемся настолько к нему близко. Подумай, что произойдет, если он один встретится с хикедэ'я и рядом не будет друзей, готовых ему помочь.

Наконец все замолчали. Отец Квины посмотрел на жену, и по его лицу Квина поняла, что победила, хотя у нее и не возникло ощущения, что она одержала над ним верх.

– Я не стану приказывать тебе идти с нами, – наконец сказал Бинабик. – Сискви, ты видишь другое решение?

– Если только ты не свяжешь их и, положив поперек седел, не повезешь до самого Хейхолта, – ответила Сискви. – Но мне страшно, Квина. Дочь моя, твоя правда, ты уже взрослая. Но мир велик и опасен – а сейчас стал еще более жестоким. Вмешательство в дела бессмертных

может принести нам гибель. Знай, если с тобой что-то случится, мое сердце будет разбито, как и сердце твоего отца.

– Я буду ее защищать, уважаемая Сисквинанамук, – пообещал Сненнек. – Знайте, я отдам все, что у меня есть, чтобы она не пострадала.

– Это я буду тебя спасать, – фыркнула Квина, однако шутка не смогла скрыть пустоту, которую она вдруг ощутила. Они спорили о том, что могло случиться, но сейчас ей предстояло взглянуть в лицо холодному факту – она расстанется с родителями в этих чужих землях. Квина глубоко вздохнула. – Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы уцелеть. Я все еще хочу увидеть день своей свадьбы. Постарайтесь не бояться за нас. Вы долго и хорошо учили нас обоих. – Она почувствовала, как по ее щекам побежали слезы, и вытерла их рукавом. – Вы будете нами гордиться.

– Мы всегда тобой гордились, – сказал Бинабик. Казалось, он постарел на несколько лет за час, который они разговаривали. – Слушай меня внимательно, пока я не передумал и не привязал тебя к седлу, как предлагала твоя мать.

– Я *не* предлагала, – резко возразила Сискви.

– Я знаю, любовь моя, – Бинабик вздохнул. – Иногда я шучу, чтобы отпугнуть собственный страх. – Он нахмурился и задумался. – Звезды, которые были такими ненадежными в том месте, где ситхи устроили свой дом, здесь стали какими-то растянутыми и еще более странными, – и я понятия не имею почему, – поэтому вам стоит помнить, что Белый Медведь и Старая Женщина уже не могут быть вашими надежными проводниками. Но если вы пойдете дальше по тропе, по которой шли в течение последних дней, в сторону заходящего солнца, то доберетесь до гор Вильдхельм. Замок Наглимунд, одна из твердынь Саймона и Мириамель, находится по другую сторону. – Он взял палочку и принялся рисовать на земле карту.

– На самом деле, через день или два вы можете найти древний город ситхи Да'ай Чикизу, расположенный на берегу Эльфвент, которая течет вдоль гор Вильдхельм. Оттуда тропа под названием Стайл уходит в горы и приведет вас к замку. Там вы можете получить помощь, и, если вам удастся найти Моргана, вы доведете его до Наглимунда, где он будет в безопасности.

– Но тогда зачем вам идти до самого Хейхолта? – спросила Квина. – Почему не отправить послание друзьям из Наглимунда?

– Потому что сердце внушает мне дурные предчувствия, Квина, и я не доверяю гонцам, – ответил ее отец. – Слишком много странных и смертельно опасных событий произошло в последнее время. Ты помнишь посла ситхи, Танахайю? На нее устроили засаду в самом Эрчестере, когда она направлялась к Саймону и Мириамель с миссией от ситхи, и она бы умерла, если бы ее не нашли в лесу. Кто-то не хотел, чтобы она добралась до наших друзей, и мы до сих пор не знаем кто. Либо холодная рука королевы норнов дотянулась почти до ворот Хейхолта, либо у наших друзей есть враг, находящийся так близко, что никто и подумать о таком не может. Нет, я намерен сам сообщить нашу важную новость.

– Но тогда ты и моя мать также будете в опасности! – сказала Квина. – Если кто-то напал на ситхи, вас они также смогут легко атаковать, чтобы помешать вам добраться до короля и королевы.

Бинабик кивнул.

– Да, так всегда и бывает, когда семья разделяется. Не только мы будем бояться за вас, но и вам придется опасаться за нашу судьбу. Никому не дается ничего, кроме жизни и нескольких часов на то, чтобы ее прожить. Мы должны молиться Дочери Гор, чтобы она помогла нам снова найти друг друга. Помните о доме и сохраняйте мужество.

Когда они расставались, в глазах у всех стояли слезы, даже у Младшего Сненнека, хотя он заявил, что виновата пыль, которую принес летний ветер.

Глава 32

Дыра в двери

Порто не позволял сержанту Левиасу умереть в течение первой ночи и второго дня, давал понемногу воду, чистил и бинтовал рану в животе, изо всех сил стараясь сохранить ему жизнь, но видел, что проигрывает сражение, и это было ужасно. Однажды он уже побывал в таком же кошмаре.

Много лет назад, во время сражения за Врата Наккиги, молодой Порто ухаживал за умирающим другом по имени Эндри до его самого последнего вздоха. Но Эндри ранили отравленной стрелой норнов; а Левиас получил свою от сравнительно чистой стали тритингов, что давало Порто хоть какую-то надежду на то, что он выживет. Но до ближайшего ручья идти было далеко, и, хотя тело товарища старого рыцаря горело и он жалобно просил воды, Порто не хотелось оставлять его одного. Именно во время такой отлучки умер молодой Эндри.

Хаос, воцарившийся в Танемуте, казалось, отступил на второй день. Время от времени Порто еще слышал, как кричат тритинги где-то в стороне от их убежища, но, судя по всему, сражения прекратились. Тем не менее Порто старался не отходить от умирающего сержанта не только из-за гордости и скорби: он знал, что, если Левиас умрет, ему предстоит долгий и трудный путь до Эркинланда, а такое даже и двадцать лет назад было бы для него совсем не простым делом.

«Но до тех пор, пока я могу держать в руках меч и кинжал, – подумал он, – у меня есть шанс выбрать смерть».

Когда на рассвете второго дня после схватки с тритингами Левиас начал дышать не так тяжело, Порто рискнул перенести его поближе к воде. Он взвалил сержанта на спину, побрел в сторону от Танемута и вскоре опустил свою нелегкую ношу на берегу одной из речушек, впадавших в Кровавое озеро. К концу лета река обмелела, и теперь между заиленными берегами текла лишь тонкая струйка, но вода оставалась проточной и показалась Порто сладкой, поэтому он затащил Левиаса в тень под деревьями, выстирал окровавленную нижнюю рубашку сержанта и вытер лоб Левиаса перед тем, как в очередной раз промыть рану. Во время сражений ему приходилось видеть множество ей подобных, и Порто знал, что у сержанта мало шансов выжить, но оставить его умирать в одиночестве – значило во второй раз покинуть Эндри.

Он весь день просидел рядом с Левиасом, периодически передвигая его так, чтобы жаркое солнце не светило ему в лицо, смывал темную запекшуюся кровь и давал сержанту напиться, когда ему казалось, что того мучает жажда. Он знал, что не сможет перенести Левиаса на значительное расстояние, и ему лишь оставалось ждать, когда Господь заберет его друга к себе. Левиас перестал разговаривать. И у Порто не осталось компании, кроме его собственных мрачных мыслей.

Странный шум заставил Порто вынырнуть из легкой дремоты – скрипучий, продолжительный звук, словно кто-то пытался вытащить гвоздь из старого дерева. Он доносился со сто-

роны ближайшей реки, поэтому, убедившись, что Левиас продолжает дышать, рыцарь взял меч и стал осторожно пробираться через высокую траву к воде, чтобы посмотреть, что там происходит.

Сначала Порто показалось, будто он видит великана, потому что всадник возвышался над своей лошадью, которая пила из реки, но потом понял, что незнакомец не так уж и велик – просто он сидел на спине небольшого ослика.

Мужчина повернулся в его сторону, хотя Порто не производил ни малейшего шума, лишь покрепче сжал рукоять меча, приготовившись сражаться или увести незнакомца от беспомощного Левиаса, но мужчина на ослике лишь кивнул и отвернулся, словно крадущийся по траве воин с мечом для него самое обычное зрелище. Незнакомец обладал мощной грудью и короткими ногами, как один из троллей, друзей принца Моргана, который вырос до размеров обычного мужчины, но от троллей его отличала длинная борода, заплетенная в косичку. Волосы почти полностью скрывали лицо, словно он был наполовину обезьяной или гюне, хотя черты показались Порто самыми обычными.

– *Велагрум*, – сказал незнакомец. – *Вез жу хайа*.

Порто потребовалось некоторое время, чтобы понять слова, произнесенные на языке тритингов, – всего лишь приветствие и пожелание здоровья.

– *Жу данкан*, – ответил Порто, – *благодарю*.

Бородатый мужчина понял, что Порто плохо владеет местным языком, и заговорил на хорошем вестерлинге, пусть и с сильным акцентом, который превращал каждое слово в звуки, состоявшие из острых колючек, точно сосновая шишка.

– Я вижу, ты не из Великой травы. Откуда ты?

– Из Эркинланда, хотя родился в другом месте.

– Мы не испачкали реку, мой друг Гилдренг и я? Не хочешь пить? Гилдренг очень своенравный, но я думаю, что он отойдет, если я его заставлю.

– У меня есть вода в бурдюке, – ответил Порто, оглядываясь по сторонам в поисках друга мужчины, старый рыцарь хотел ему верить, но опасался засады. – Но еды у меня нет. – Последние запасы остались в седельных сумках, исчезнувших вместе с лошадьми. И только после того, как он произнес эти слова, Порто вдруг понял, какой сильный голод испытывает. – Мой друг очень болен.

Мужчина внимательно посмотрел в его сторону.

– Выйди, пожалуйста, чтобы я мог на тебя посмотреть.

Порто выбрался из высокой травы, выпрямился и только теперь понял, что перед ним тритинг с татуировкой змеи, которая начиналась на правом запястье, шла по руке и выходила с другой стороны его рубашки без рукавов, чтобы обвиться уже вокруг левого запястья. Кроме того, на шее у него висело ожерелье из змеиных костей.

– А отчего заболел твой друг? – спросил тритинг.

Порто колебался, но потом решил, что лучше быть честным, – вдруг незнакомец знает кого-то, кто сможет помочь Левиасу.

– Он получил удар мечом. Сюда. – Порто показал на свой живот. – На нас напали – мы не искали схватки.

Бородатый мужчина кивнул, соскользнул в мелкую воду и, ведя ослика на поводу, пошел к берегу, где стоял Порто.

– Я посмотрю, – сказал мужчина. – У меня есть... умение. – Ему потребовалось время, чтобы отыскать нужное слово, но он его нашел, снова кивнул, словно не сомневался, что так и будет. – Я Рузванг, шаман Клана Змеи. Я кое-что знаю о целительстве. Сколько дней болеет твой друг?

– Два, – ответил Порто.

Волосатое лицо Рузванга стало печальным, и он покачал головой.

– Боюсь, уже слишком поздно. Но Обнимающий Землю может его пожалеть. Из какого клана твой друг?

– Он из Эркинланда, как и я.

Рузванг больше ничего не стал говорить, но последовал за Порто в лощину, где старый рыцарь спрятал Левиаса. Шаман привязал ослика к ветке и присел на корточки рядом со спавшим Левиасом, чье лицо показалось Порто таким бледным, что смерть, должно быть, стояла уже совсем рядом. Шаман проверил глаза и язык сержанта, осторожно снял повязки, сделанные Порто, и осмотрел рану, слегка пощелкивая языком.

Наконец, он повернулся к Порто.

– Ты молился и просил о помощи? – спросил Рузванг.

Удивленный Порто кивнул.

– Да, конечно. Нашему Богу.

Рузванг махнул рукой.

– Всем богам или одному богу. Должно быть, ты совершил много хороших поступков, раз они тебя услышали. Мы из Змеинового клана лучшие целители – это все знают.

– Ты можешь ему помочь?

– Я не говорю да, но и не говорю нет. Он очень слаб. – Шаман проверил, насколько надежно привязан к ветке ослик. – В ране и крови плохие духи. Только если он получит силу в дар от Безногого – Обнимающего Землю, – у него появятся шансы на спасение. Ты его отнесешь?

– Куда?

– Следуй за мной. Туда, где вода глубже.

К тому моменту, когда они остановились, Танемут оказался заметно ближе, и Порто снова слышал доносившиеся издали голоса. Рузванг достал из седельной сумки пакет, завернутый в промасленную ткань, и направился к реке, которая в этом месте была гораздо шире, без малейших колебаний разделся догола и по бедра вошел в воду. Затем он стал мыться, тихонько напевая на языке тритингов, и на этот раз Порто не понял ни одного слова. Потом шаман вернулся на берег, натянул штаны и сел на землю рядом с Левиасом.

– Разожги костер, – сказал он и принялся доставать из сумки маленькие глиняные кувшины и кожаные мешочки, которые расставил перед собой на земле.

Когда костер разгорелся, Рузванг велел Порто принести воды в глиняной чаше, которую он ему дал, покрошил в нее какие-то листья, продолжая петь, и стал ждать, когда вода нагреется.

– А теперь скажи, как его зовут, – попросил Рузванг.

– Левиас.

– Странное имя, но я постараюсь назвать его духам так, чтобы они поняли.

Когда миновал полдень и тени потянулись на восток, шаман, продолжая непрерывно петь, промыл рану Левиаса водой с лекарственными растениями, потом накрыл ее кипячеными листьями и закрепил повязку при помощи длинных сухих листьев, которые достал из седельной сумки. Затем он попросил Порто принести еще воды, вскипятил ее, на этот раз добавив туда кусочки какого-то корня или клубня. Когда бульон немного остыл, он поднес его к губам Левиаса и стал потихоньку его поить. Эркинландер плотал, но он все еще выглядел ужасно, так что это ничего не изменило, во всяком случае, Порто не заметил улучшений.

– Остальное нужно давать понемногу, – сказал Рузванг, протягивая Порто чашу. – И так до захода солнца. Безногий ему поможет, если он того достоин.

– Он достойный человек, – сказал Порто, думая о юморе, отваге и вере Левиаса.

– Это решать не нам, а духам, – с некоторой суровостью заявил Рузванг. – Но теперь я расскажу тебе о Гилдренге, моем осле. Он свирепое существо, но если ты не станешь подносить руки к его зубам, то не пострадаешь.

– Почему? Зачем ты мне про него рассказываешь? – удивился Порто.

– Потому что я его тебе оставляю, – ответил Рузванг. – Я далеко от своего народа, и, даже если уйду сейчас, меня не будет долго. Они покинули Танемут шесть дней назад, чтобы вернуться на наши клановые земли на востоке.

– Ты отдашь мне своего осла?

– Даже если Обнимающий Землю спасет жизнь твоего друга, ему нельзя здесь оставаться, – сказал Рузванг, указывая на Левиаса. – Но и на моем осле ты не сумеешь доставить его живым в Эркинланд. – И тут в голову шаману пришла новая мысль. – Но я видел лагерь твоего народа, когда возвращался после обмена с шаманами Кланов Ястреба и Бизона.

– Моего народа?

– Я думаю, это было знамя Эркинланда – два дракона и дерево. Тебе оно знакомо?

Сердце Порто забилося быстрее.

– Да, это знамя Эркинланда. Ты действительно их видел?

– Об этом говорят все на землях, которые находятся к северу отсюда – народ утверждает, что обитатели каменных городов пришли договориться с новым шаном относительно важного человека, захваченного им в плен.

– Граф Эoleyр? – спросил Порто. – Возможно, его зовут именно так?

– Больше я ничего не знаю. У шамана мысли совсем о другом. – Он пожал плечами, и косичка его бороды закачалась, точно хвост сидящей собаки. – Говорят, что Унвер хочет его обменять или попросить о чем-то у обитателей каменных городов, которые правят вашим Эркинландом.

– А ты знаешь, где они держат человека, которого захватили в плен? – спросил Порто.

Рузванг быстро приподнял бровь, похожую на весеннюю гусеницу, и на его дочерна загоревшем лице появилась улыбка.

– Ты задаешь вопрос не тому человеку. Змея дарует мне силу целителя, но не более того. Однако если новый шан собирается его обменять, значит, он у шана, тебе так не кажется?

Порто удивился еще больше. Зачем отряду эркингардов подходить к границе земель три-тингов? Даже если речь идет о Эoleyре, пусть он и очень важная птица? А потом он вспомнил о принце Моргане и провале их миссии, и стыд обрушился на него, точно клинок тритинга, нанеший рану Левиасу. Он не справился ни с одним заданием, которые ему поручили. И все же если он доберется до лагеря эркинландеров, то хотя бы сможет рассказать, что ему известно.

«Но я не могу бросить Левиаса, – сообразил Порто. – Я должен оставаться с ним до тех пор... до тех пор, пока он жив».

– Сейчас я уйду. – Рузванг снял седельные сумки со спины осла и забросил их на плечо, после чего стал еще больше похож на яйцо. – Я оставлю ягоды белой смородины для тебя и твоего друга – я их сложил вон там. Сначала ты должен их разжевать, а потом дать ему.

– Но я не могу взять твоего осла! – воскликнул Порто.

– Можешь. И должен. Так говорит мне Обнимающий Землю, а духи не лгут. Обращайся с ним хорошо, и тогда он понесет твоего друга с осторожностью. Он не такой злой, как кажется, старина Гилдренг, хотя может и лягнуть, когда у него плохое настроение. Я буду по нему ску-чать.

Потрясенный Порто продолжал сидеть на земле, а Рузванг поудобнее перехватил седельные сумки, подошел к ослу и потрепал его по носу – Гилдренг отвернулся, словно не верил,

что его могут так легко оставить, – а потом шаман зашагал по тропинке, извивавшейся вдоль берега реки.

– И помни – держи руки подальше от его зубов! – крикнул Рузванг и вскоре скрылся за деревьями.

Остаток умирающего дня Порто провел рядом с Левиасом, вытирал пот со лба и давал по глотку отвара. Порто и сам хотел есть, но запах варева не внушал доверия, поэтому он съел немного ягод, которые ему очень понравились, но не смогли утолить голод.

Наконец, когда спустились сумерки, он заснул сидя, продолжая сжимать влажную рубашку Левиаса. Порто проснулся, когда наступила глубокая ночь, уверенный, что предыдущий день ему приснился, но осел Гилдренг был все еще привязан к ветке соседнего дерева, а его друг Левиас слабым голосом просил еще отвара.

Эoleyру не очень нравилось, что он все еще остается пленником, но люди Унвера обращались с ним хорошо. Его посадили в один из множества фургонов, когда-то принадлежавших Рудуру Рыжебородому, дверь запирали снаружи, но окно в двери, пусть и не такое большое, чтобы он мог вылезти через него даже во времена своей юности, позволяло ему наблюдать за жизнью в лагере тритингов теперь, когда Танемут подходил к концу.

Безумие первых нескольких ночей после смерти Рудура отступило. Эoleyру было трудно оценить различия в том, что происходило сейчас и в обычной жизни у Кровавого озера: женщины следили за кострами и готовили еду, мужчины занимались торговлей и обменом животными, играли в азартные игры и соревновались в силе. Но Эoleyру казалось, что он видит изменения в настроении людей, бесцельное возбуждение первых дней Танемута уступило место относительному спокойствию и более осмысленному поведению. Возможно, это был результат каких-то действий Унвера, или так случалось каждый год после окончания буйных встреч тритингов.

Когда тритинги в первый раз подошли к его фургону, чтобы передать еду, Эoleyра позабавило, что человека с подносом сопровождали двое вооруженных громил.

«Если они прислали к такому старику, как я, сразу трех воинов, значит, считают меня настоящим дьяволом», – подумал он.

Но когда мужчина с подносом поднялся по ступенькам и подошел к двери, Эoleyр увидел, что он совершенно лысый, а еще у него не было усов и бороды – большая редкость среди обитателей лугов, где усы многое говорили о мужчине. А когда тритинг с подносом остановился возле двери, Эoleyр заметил, что у него отсутствуют даже брови, хотя имелась короткая щетина, из чего следовало, что дело не в болезни. Тем не менее Эoleyр нуждался в информации, и даже раб из другой страны мог что-то знать. Более того, опыт Эoleyра подсказывал, что рабы охотнее говорят с чужаками. Убедившись, что два охранника стоят достаточно далеко от фургона, Эoleyр заговорил.

– *Я благодарю тебя*, – сказал он на языке тритингов, как только дверь открылась и он взял поднос. – *Как тебя зовут?*

От запаха теплого хлеба и горячего супа у него потекли слюнки. Эoleyра плохо кормили, пока он находился у разбойников Агвальта. Впрочем, они и сами ели не лучше.

Мужчина с легким удивлением посмотрел на Эoleyра, но ничего не ответил. Вблизи Эoleyр увидел, что его лицо и бритая голова покрыты синяками.

– *Мой народ должен знать имя того, кто приносит еду, в противном случае мы не можем есть*, – продолжал Эoleyр, подумав, что, если бы аристократы из Эрнистира его услы-

шали, то громко расхохотались бы, ведь большинство богатых людей не знали, как зовут их слуг. – *Пожалуйста, ответь мне, чтобы я мог рассказать своим богам.*

Мужчина покачал головой. Он не смотрел Эoleyру в глаза.

– *У меня нет имени,* – только и ответил он.

– *Что? У всех есть имя.*

Безволосый слуга снова покачал головой, но на этот раз поднял глаза. Ненависть и отчаяние на его лице едва не заставили Эoleyра отступить на шаг назад, и он с трудом удержал свой конец подноса.

– *У меня отняли имя,* – сказал безволосый мужчина так тихо, чтобы его не услышали другие. – *Я предал свой клан. Я предал свой народ. У меня больше нет имени.*

– *Но я должен как-то тебя называть,* – сказал Эoleyр, которого заинтересовала история мужчины, – *или боги не будут знать, кого следует наградить за то, что меня накормили.*

В глазах мужчины загорелся огонь. Кожа вокруг них была пурпурной от старых ударов.

– *Я же сказал тебе, у меня нет имени. А теперь я должен идти.*

Когда он выпустил поднос и начал поворачиваться, Эoleyр предпринял еще одну попытку.

– *Тогда скажи мне, как тебя называют другие.*

Лишенные волос брови выглядели противостоественно.

– *Они называют меня Лысоголовый.* – На мгновение на его губах появилась печальная улыбка. – *Это можно считать моим именем, как видите. Когда вы будете беседовать со своими богами, скажите им, что они создали очень плохой мир.*

Когда слуга повернулся, два вооруженных охранника повели его прочь, и Эoleyр понял, что он не единственный пленник в лагере шана.

Второй посетитель пришел к Эoleyру позднее, в тот же день, когда уже стемнело. Он не услышал, как она подходит, и понял, что рядом с фургоном стоит женщина, пока не услышал ее голос в окно в двери.

– Граф Эoleyр, вы меня слышите? – К нему обратились на вестерлинге, что было немного неожиданно, хотя и с варварским акцентом.

Он встал с узкой кровати и подошел к двери.

– Я тебя слышу, – сказал он. – Я говорю на твоём языке, во всяком случае немного. Может быть, нам лучше перейти на него?

Стоявшая снаружи женщина была темноволосой и красивой, но в широко раскрытых глазах Эoleyр видел волнение. В тусклом свете, падавшем от фургона, ему показалось, что она совсем недавно вышла из возраста деторождения. Эoleyр подумал, что уже где-то видел ее лицо, но за последние месяцы его окружало столько тритингов, что он не мог вспомнить где.

– Нет! – Она огляделась по сторонам и заговорила тише. – Лучше использовать эти слова, пусть я не слишком хорошо их знаю, на случай, если нас кто-то услышит.

Он был заинтригован, и не только ее восхитительным лицом.

– Очень хорошо, миледи. – Он не мог удержаться и использовал уважительное обращение – она отличалась от других женщин, которых ему довелось здесь видеть, не говоря уже о том, что разговаривала с ним на чужом для себя языке. – Кто вы, если мне будет позволено спросить, и чего вы от меня хотите?

– Я Хьяра, – ответила она. – Шан, как я должна сейчас его называть, – мой племянник.

Эoleyр был удивлен, и ему пришлось призвать на помощь весь свой опыт, чтобы это скрыть.

– Я рад с вами познакомиться, леди Хьяра, но я все равно не понимаю, почему вы здесь.

– Унвер планирует вас освободить – во всяком случае, так мне сказали, – продолжала Хьяра.

– Да, он и мне это говорил, хотя я уверен, что за мою свободу будет назначена цена и король с королевой, возможно, не захотят ее уплатить.

– Унвер совсем неглуп. Он хочет, чтобы вы вернулись и ваши правители были довольны. Война с вашим Эркинландом ему не нужна.

– Это не *мой* Эркинланд, если уж быть честным, но их интересы совпадают с моими. – Эoleyр окинул девушку внимательным взглядом. Она выглядела встревоженной, но не испуганной, и он решил, что это хороший знак. И все же он не мог не опасаться, что она вовлечена в какой-то семейный конфликт или что-то еще более опасное. – Я снова вас спрошу – чего вы от меня хотите, миледи?

– Чтобы вы сказали своему королю и королеве, что тритинги не хотят с вами воевать. Рудур мертв, но Унвер умен. Его гнев направлен против Наббана. Расскажите об этом своим господам.

– Но Наббан является частью нашего королевства, – заметил Эoleyр. – Они король и королева не только Эркинланда или моей родины Эрнестира. Верховный Престол включает в себя также и Наббан.

– Тогда народ Наббана должен оставаться под властью престола! – сердито сказала она, и вспышка гнева показала Эoleyру, что в ней есть сила, о которой он не подозревал. – Они крадут наши земли, убивают людей, а потом винят нас. Унвер пришел с юга, где тритинги вынуждены постоянно сражаться с обитателями каменных городов. И его ненависть к ним, не может быть... – Она искала подходящее слово, но так и не нашла. – Он их ненавидит, – наконец сказала Хьяра. – И отбросит обратно к прежним границам. На траву прольется кровь, и нет способа это остановить. Но он не хочет воевать еще и с севером.

– Зачем ему война с севером? – спросил Эoleyр. – Только глупец воюет с врагами, занимающими две разные стороны. Я расскажу своим правителям, что Унвер не хочет войны с ними, но они должны приглядывать за Наббаном как за собственным народом. Вот что значит Верховный Престол.

– Тогда они ввергнут мир в отчаяние, – решительно сказала она. – Вдовы и сироты, больше никого не останется. Вам известно, сколько воинов придет из лугов, чтобы сражаться за свои земли? Многие ненавидели Рудура, который утверждал, что является таном танов, однако ничего не делал, чтобы остановить атаки из Наббана. Тритинги созрели для войны, как плоды, висющие на ветвях осенью.

– Где вы научились так хорошо говорить на нашем языке? – спросил он, неожиданно даже для себя отвлекаясь в сторону. – Или вы жили в землях обитателей каменных городов, как вы их называете?

– Нет, хотя там жили другие члены моей семьи, – нетерпеливо ответила она. – Мой отец был таном. К нам приходили люди из других земель. Я научилась говорить, потому что внимательно слушала и хотела побывать в тех, других землях. – Она снова огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что рядом все еще никого нет. – Почему вы задаете столько вопросов?

– Потому что такова моя природа, моя добрая леди, – и работа. А Унвер так же хорошо знает вестерлинг? Какой он? Как мне с ним говорить, чтобы понять, чего именно он хочет от моих правителей? Я просил о встрече с ним, но никто не соглашается меня к нему отвести.

– Он ужасно пострадал от рук бешеного пса Рыжебородого, – ответила Хьяра. – Унвер едва выжил после пыток, и только воля духов помогла ему уцелеть. Он настоящий мужчина, поэтому станет говорить с вами, только когда не будет выглядеть слабым и страдающим от

боли. Но снова став сильным, он возьмет в свои руки все кланы, как мужчина упряжку лошадей, и заставит их действовать заодно, направляя туда, куда захочет он. Твои правители понятия не имеют, что Унвер обладает негибимой волей, как он умен и каким яростным бывает его гнев, но я знаю хорошо и видела, что духи сражаются на его стороне, они послали воронов, чтобы уничтожить его врага, который был моим мужем Гардигом, – но я не скорблю о нем. Вашим хозяевам не следует провоцировать Унвера.

Эoleyр почувствовал себя уязвленным.

– Король и королева – сильные и отважные правители, а не трусы, чтобы им кто-то диктовал условия, даже шан Унвер.

– Тогда мы увидим конец всему. Я знаю, что ваш народ многочислен и владеет сильными замками. Тритинги также будут умирать. – Ее лицо, пылавшее гневом всего несколько мгновений назад, побледнело и наполнилось ужасом, словно она увидела страшные события, которые только что предсказала.

– Леди Хьяра, я вас услышал, – сказал Эoleyр, рассерженный на себя за то, что не сумел скрыть свои чувства. – Я не хочу войны между нашими народами и знаю, что ее не хотят наши король и королева. Поговорите с Унвером. Скажите ему, чтобы встретился со мной до того, как он отправит им сообщение, и мы вместе найдем способ сохранить мир.

Она решительно потрянула головой.

– Я не могу говорить с ним – во всяком случае о таких вещах. Я не обладаю правом, и он не станет слушать.

– Если Унвер так умен, как вы говорите, – продолжал Эoleyр, – и если он действительно любит свой народ, он вас послушает. Если же не готов принимать советы от женщины, быть может, согласится воспользоваться опытом старого эрнестирца, который видел многое и участвовал не в одной войне. – Эoleyр похлопал ее по руке, которая лежала на раме окна. – У короля и королевы Верховного Престола есть враги куда более страшные и опасные, чем луговые кланы, – поверьте мне. Они хотят войны с тритингами не больше, чем вы. Скажите Унверу, что я буду посредником. До сих пор он обращался со мной достойно, и я позабочусь о том, чтобы мои хозяева, как вы их называете, поступили так же. Не отчаивайтесь, миледи. Пока на свете есть хорошие люди, всегда остается надежда.

– Но если войны хотят духи и сердца людей, ничто не сможет ее остановить. – Она повернулась и исчезла так же быстро, как появилась.

Когда Эoleyр выглянул из фургона, он увидел лишь темную стройную тень, стремительно скользившую по траве.

Вернувшись в большой шатер, Хьяра обнаружила, что ее сестра стоит на коленях перед бывшей постелью Рудура, от которой воняло потом и засохшей кровью, и кормит бульоном сына. Раны Унвера частично зажили, но лицо оставалось изуродованным из-за порезов и воспалившейся плоти вокруг них. По его позе Хьяра видела, что спина все еще доставляет ему сильную боль, но, как и всегда, его лицо походило на застывшую маску. Она не раз видела такое мужество в мужчинах своего клана, восхищалась им и ненавидела. В результате любая боль, в том числе та, что испытывали другие люди, превращалась в нечто незначительное, и ее можно было игнорировать.

«Через месяц на коже Унвера появятся жесткие белые шрамы, – подумала Хьяра. – Но не все его раны исцелятся, как плоть».

Фремур также находился здесь.

– Тебе не следует разгуливать так поздно, Хьяра, – сурово сказал он. – Теперь ты родственница шана. Кто-то может захотеть причинить тебе вред.

«Интересно, какая часть его тревоги связана со мной, а какая с достоинством Унвера?» – подумала она.

Тритинги не любили, когда их женщины, даже старшие родственницы, гуляли свободно, без сопровождения или разрешения. Но Хьяра так долго прожила по этим правилам, что теперь не собиралась позволять снова лишиться себя свободы, в особенности мужчине на десять лет младше ее.

«И он не запрашивал размеры моего выкупа невесты, – напомним она себе. – Значит, кто он мне, если не считать того, что он является слугой сына моей сестры? Пусть говорит за себя, если хочет иметь право давать мне советы».

– Я лишь немного прогулялась, – сказала она. – Ничего больше. Как Унвер?

– С шаном все хорошо, – ответил Фремур.

– К нему вернулся аппетит, – добавила ее сестра Воршева.

– Клянусь Пронзающим небо, – прорычал Унвер, отталкивая в сторону костяную ложку, – разве я умер и мне нужен шаман, чтобы говорил за меня, точно духи предков?

Фремур выглядел довольным: быть может, его порадовало, что Унвер снова клянется тотемом Клана Журавля.

– Конечно нет, великий шан.

Унвер посмотрел на Хьяру.

– И что ты видела, когда гуляла?

Она колебалась.

– Много всего и ничего, как всегда. – Если бы он спросил, что она делала, следовало ли ей ответить?

Никто не приказывал ей держаться подальше от обитателя каменных городов, графа Эoleyра, но она чувствовала, что Унверу не понравилось бы, если бы он узнал, что она просила чужеземца найти способ избежать войны, – скорее всего, он пришел бы в ярость. Ни один мужчина из луговых кланов не захочет, чтобы за него говорила женщина, тем более если речь шла о заключении мира.

К счастью для Хьяры, Унвера занимали другие вещи.

– Танемут практически закончен. – Он вытер суп с губ небрежным движением пальцев.

Воршева и Хьяра сбрили ему усы, чтобы промыть глубокие порезы, шедшие вдоль щек до верхней губы, и Хьяра не привыкла видеть мужчин такого возраста без усов. Он выглядел не так странно, как раб Фремур, мужчина, которого прежде называли Гездан Лысоголовый, – сейчас он сидел в углу шатра на корточках, уставившись в землю, – но вид Унвера все равно казался ей непривычным, точно он стал совершенно новым человеком.

«Он шан, – напомним она себе. – Значит, действительно стал совсем другим человеком». Даже Эдизель из далекого прошлого не имел такой необычной истории, как ее племянник.

Хьяра впервые подумала об отце Унвера, принце Джошуа. Когда он впервые попал к тритингам, Хьяра была ребенком и практически не видела и не слышала его, ведь он являлся одним из послов своего отца, короля Джона, и встречался только с отцом Воршевы и Хьяры Фиколмием, таном Клана Жеребца. Когда через несколько лет Джошуа и Воршева вернулись, Хьяра стала достаточно взрослой, чтобы смотреть и понимать. Джошуа едва не умер от рук одного из любимцев ее отца, но, в конце концов, одержал победу, и пережитое унижение навсегда оставило злобную обиду в сердце Фиколмия. За следующие годы, пока Хьяра постепенно взрослела, лицо принца Джошуа исчезло из ее памяти, хотя она до сих пор помнила все, что он умел хорошо делать. Казалось, ее сестра вышла замуж за призрака, сверхъестественное существо, которое никогда не удастся увидеть полностью.

Теперь, когда она смотрела в сильно израненное лицо Унвера, Хьяре казалось, что она видит черты давно забытого принца – высокий лоб, длинная челюсть и спокойные серые глаза.

«А что еще дал отец Унверу, человеку, который теперь будет править тритингами?» – подумала Хьяра.

Она не могла задать этот вопрос вслух – Хьяра даже сомневалась, что остальные ее поймут.

– Ты вырос среди обитателей каменных городов, шан Унвер, – вместо этого заговорила она. – Какие они?

Во взгляде его глаз иногда появлялось что-то невероятно далекое и холодное, но сейчас Хьяра почувствовала легкое недоверие, больше подходившее осторожному ребенку, чем правителю всех кланов тритингов.

– Что ты имеешь в виду, Хьяра?

– Не напоминай ему о плохих временах. – Воршева так резко поставила пустую суповую миску на пол, что ложка в ней задребезжала и закрутилась. – Нас бросили. Его отец нас оставил. Мы жили среди презиравших нас людей. Как ты можешь напоминать ему о таких вещах?

Легкая тень улыбки искривила губы Унвера, кое-где еще покрытые запекшейся кровью.

– Твои воспоминания не совпадают с моими, мать. Город возле болот не являлся для меня ненавистным местом, если не считать момента, когда меня оттуда насильно увезли. Вот тогда я их возненавидел, иначе мне бы пришлось ненавидеть себя.

Хьяру такой ответ обрадовал. Никогда прежде он не говорил о прошлом.

– Мне всегда было интересно, какой он, Кванитупул, – сказала она. – Один раз я видела торговца, который говорил о нем как о волшебном месте, полном разных людей и всевозможных вещей.

– Город был грязным и тесным, – быстро ответила Воршева. – Я часто стояла на крыше проклятой гостиницы и молилась, чтобы ветер изменил направление и я могла почувствовать чистый воздух лугов, а не отвратительное зловоние болот.

Унвер даже не глянул в сторону матери – он продолжал смотреть в глаза Хьяры, и по его губам бродила тень улыбки, хотя теперь на лице появилось нечто новое – гнев, причин которого Хьяра не понимала.

– Я думаю, ребенок может найти себе дом в любом месте, – сказал он. – Если там есть нечто твердое, на чем можно стоять.

Фремур неожиданно встал и подошел к тому месту, где сидел на корточках безволосый раб.

– Эй, ты! – сердито сказал Фремур. – Что ты тут делаешь, пес? Наши разговоры не для твоих ушей. Здесь шан, которого ты предал, однако ты сидишь в его шатре, как шпион, и все слушаешь. И только благодаря тому, что Хьяра просила сохранить тебе жизнь, иначе ты бы гнил на шесте. Убирайся отсюда, жалкое существо, или я сам вышвырну тебя вон.

Тот, кого звали Лысоголовым, молча встал и поспешно вышел, высоко подняв плечи и опустив голову, словно ждал, что в него бросят что-то тяжелое. Хьяра действительно просила Фремурса сохранить ему жизнь, но не из-за сочувствия или мягкости. Отец безжалостно управлял ее жизнью, и она знала, что жестокие уроки порождают не послушание, а лишь предательское молчание.

– Мне бы следовало покончить с этим куском дерьма, как я и собирался, – сказал Фремур, глядя на Хьяру почти с упреком. – Если ты сохранишь жизнь псу, он тебя никогда не укусит, но людям доверять нельзя.

– Эй, Фремур, должно быть, ты знавал больше верных собак, чем я, – с коротким смехом сказал Унвер, хотя было видно, что ему больно смеяться из-за не совсем зажившего лица. – Я не знаю ни одного животного – собаки, человека или лошади, – которое, однажды получив оскорбление, не хотело бы отомстить.

– Нам больше не нужно бояться оскорблений и предательства, – сказала Воршева с твердой уверенностью человека, который не полностью во что-то верит, но очень хочет. – Теперь мы будем помогать тем, кто этого заслуживает, и наказывать всех, кто захочет причинить нам вред.

– А здесь, мать, – сказал Унвер, и улыбка исчезла с его лица, – мы с тобой находимся в полном согласии.

Глава 33

Тени на стенах

– Идемте, Верховный магистр Вийеки, – сказал принц Пратики. – Встаньте рядом со мной и смотрите, как наши воины делают свою отважную работу.

Принц-храмовник выглядел великолепно в древних доспехах из ведьминого дерева, которые стоили больше, чем все, чем владел Вийеки. Пратики заплел волосы в две нарочито небрежные боевые косы, на поясе у него висел знаменитый меч Лунный Свет. Однако Пратики не был обычным офицером Жертвой: принц-храмовник являлся родственником самой королевы, обладая чином, более высоким, чем те, о которых мог мечтать Верховный военачальник всех армий Наккиги. Пратики не достиг величия, оно было его частью, уверенностью, которой наполнялись каждый его вздох и мысль.

– Пожалуйста, милорд, – снова попросил он Вийеки, поворачиваясь, чтобы на этот раз посмотреть назад. – Присоединяйтесь ко мне.

Пратики, как узнал Вийеки, был чрезвычайно щедрым для аристократа Хамака и любезно держался со всеми, кто ему служил, даже с рабами. Но, как и все, кто с рождения обладал огромной властью, не понимал обязательств, которые его щедрость накладывала на тех, кто находился с ним рядом.

Вийеки присоединился к принцу с его отрядом личной стражи на вершине холма, хотя предпочел бы стоять в стороне, где ему не пришлось бы скрывать свои не всегда лояльные мысли. Луна исчезла за горами, но даже свет звезд позволял разглядеть армию генерала Кикити, безмолвно приближавшуюся к крепости смертных Наглимунд. Вийеки постоянно задавал себе вопрос: каково быть смертным внутри каменных стен, ведь они так плохо видят после захода солнца, а потому не смогут заметить, как из ночи появляется огромная армия врага.

«Смертные считают нас демонами и чудовищами. Как писал военный поэт Зинузо: «Силы тьмы и смерти перед нами, и они ненавидят все, чем мы являемся. Они ненавидят наше дыхание, ненавидят нашу теплую кровь». Однако он говорил о врагах, которым мы противостояли, когда первые тени сгустились над Садам. Мог ли он представить, что другие станут так же относиться к его собственному народу?»

– О, – сказал Пратики с живым интересом, как если бы наблюдал за особенно любопытной партией в «шейнат». – Смотрите! Вперед выходят Молотобойцы. Все говорят об их гордости. Как и ваши Строители, Вийеки, они, по словам многих, больше любят свои инструменты, чем собственные семьи. Но в наши дни их осталось так мало!

Дюжина Молотобойцев бежала вверх по склону под градом стрел, которые летели в них со стен. Несмотря на тяжелые инструменты, которые они держали в руках, Молотобойцы мчались вперед, словно птицы. Их действительно было немного, и один уже упал, пронзенный в грудь стрелой оборонявшихся смертных.

– Несомненно, их слишком мало, чтобы уничтожить стены, – сказал Вийеки. – Почему мы не привели с собой гораздо больше?

– Потому что в наше время армии полны полукровок, – ответил Пратики. – И большинство очень молоды, совсем дети, у них было слишком мало времени, чтобы овладеть древними

искусствами. Но не беспокойтесь, магистр, – Кикити и остальные генералы все тщательно спланировали.

Защитники крепости появились на стенах, но обладавшие слабым зрением смертные лучники плохо видели хикедая и не могли как следует прицелиться, так что небольшой отряд Молотобойцев быстро добрался до внешней стены. По другим сражениям Вийеки знал, что они будут бить огромными каменными молотами с точностью ювелиров – каждый в определенную точку, пока стена не задрожит, точно звенящий кристалл. Если нанести достаточное количество таких ударов, даже самый толстый каменный барьер обрушится. Но отряд Молотобойцев был слишком маленьким!

Вийеки невероятно удивился, когда увидел, что первые удары Молотобойцы нанесли не по огромной стене, а по земле перед ней. Он смотрел, как они распределились вдоль стены и принялись долбить землю огромными молотами. Издалека удары казались беззвучными и совершенно бесполезными.

– Что они делают? – только и сумел спросить Вийеки, изо всех сил стараясь сохранить холодное спокойствие аристократа Наккиги. – Вы понимаете, принц-храмовник?

Пратики отвечал так, словно происходящее его развлекало.

– Я же сказал, чтобы вы не беспокоились, магистр. Стена рухнет довольно скоро – все стены падают. Но пройдет некоторое время, прежде чем остальная наша армия пойдет в атаку. Им предстоит пройти долгий путь от форта Дипинг, где они ждали момента, чтобы выступить.

Вийеки не понял, что имел в виду Пратики, но его отвлекли Молотобойцы. Сначала уцелевшие воины разошлись вдоль внешней стены, но сейчас спешили обратно к центру и воротам форта. Наконец они встали почти плечом к плечу, одновременно взметнули вверх свое оружие и на этот раз сделали то, чего Вийеки ждал с самого начала, – обрушили огромные молоты на основание стены, на небольшом расстоянии друг от друга, и по связанным известкой камням смертных вдоль всей массивной стены разбежались трещины, подобные замерзшим молниям.

Они становились шире, и смертные в панике бросились в разные стороны, стараясь побыстрее покинуть верхнюю площадку зубчатой стены, а та ее часть, что находилась рядом с воротами, задрожала. Наконец, Вийеки почувствовал себя более уверенно – теперь то, что происходило, больше соответствовало его ожиданиям. Еще удар, и по меньшей мере одна секция внешней стены рухнет. Он уже видел бледные тени воинов-великанов, нетерпеливо ждущих своей очереди ниже по склону.

– Смотрите! Смертные не могут нас остановить или даже замедлить наше наступление, – заявил Пратики. – Генерал Кикити и его войска вместе с Северо-восточной армией возьмут крепость еще до рассвета. И тогда вы и ваши люди сделаете свою часть работы, Верховный магистр. Я уверен, что вам будет сопутствовать успех, как и нашим Жертвам.

И вновь Вийеки был немного смущен – он до сих пор не слышал упоминаний о Северо-восточной армии. Ну а слова о его собственной работе лишь напомнили ему, как мало он понимал в том, что здесь происходило.

– Надеюсь, вы правы, милорд.

Пратики бросил на него быстрый взгляд.

– Я слышу сомнение в вашем голосе, благородный Вийеки. Что вас тревожит?

Спокойные, даже мягкие манеры и разговор принца-храмовника иногда заставляли забывать о высоком положении и могуществе Пратики.

– Я был бы больше уверен в успехе моего ордена, ваше высочество, если бы знал, что именно должны сделать я и мои Строители. – Как только легкомысленные слова были произнесены, Вийеки тут же о них пожалел: даже самый мягкий член клана королевы мог посчитать подобные рассуждения предательскими.

– Сделать? – Принц-храмовник снова посмотрел на Вийеки. – Что вы имеете в виду, магистр?

– Прошу прощения, ваша светлость, – сказал Вийеки. – Конечно, я верю в миссию, порученную мне королевой и состоящую в том, чтобы отыскать древнюю гробницу Руяна Ве и добыть его доспехи. Но должен признаться, что не понимаю, как это может помочь нашей королеве.

– Так нужно для Короны из Ведьминого Дерева, что вам, Верховный магистр, прекрасно известно, – сказал Пратики, и его голос стал суровым. – Все, что мы делаем, направлено на возвращение Короны из Ведьминого Дерева.

Вийеки почувствовал огромное облегчение, что Пратики не поставил ему в вину сомнения, и сразу постарался заверить принца-храмовника в готовности сделать все в лучшем виде.

– Да, конечно, сир. Но до недавнего времени я слышал лишь редкие упоминания о короне, мой принц, и все источники не заслуживали доверия – до настоящего момента, хотя я уверен, – поспешил добавить Вийеки, – что мое неведение было необходимо. – Он немного поколебался, но решил, что зашел уже слишком далеко, чтобы поворачивать обратно; он должен был двигаться вперед, какой бы высокой ни оказалась вода. – На самом деле, я даже не знаю, является ли корона чем-то осязаемым...

– Смотрите, смотрите! – снова отвлекся Пратики. – Даже с таким небольшим количеством Молотобойцев нам сопутствует успех! Стена возле ворот осыпается – взгляните вон туда! – гиганты пытаются войти в крепость. – Принц помолчал, продолжая наблюдать за полем сражения. Слабые звуки битвы уже доносились до них в ночном воздухе. – Так вы не знаете, что такое Корона из Ведьминого Дерева?

– Признаю свое невежество, ваше высочество.

Пратики заговорил через несколько мгновений.

– Все дело в самом ведьмином дереве. Последние деревья умирают.

– Да, я слышал. – Это знали все – о том, что деревья умирают, шепотом говорили на самых могущественных советах даже до того, как после долгого сна проснулась королева. – Но *что* такое корона, если мне будет позволено спросить? И на что она способна?

– Королева знает, – медленно заговорил Пратики, словно повторяя то, что ему объяснили в юности, но с тех пор он об этом не задумывался. – Наша благословенная Мать всего сущего знает и, как всегда, приняла правильное решение. Она найдет способ вернуть ведьмино дерево. Ведь без него, лорд Вийеки, кто мы такие? Мы утратили Сад – неужели теперь мы потеряем последнее и самое драгоценное наследие тех земель? И станем такими же, как несчастные, проживающие короткую жизнь смертные?

– Никогда, мой принц. – Об этом Вийеки мог говорить без колебаний. – Мы должны сделать все возможное, чтобы сохранить наш народ.

– Совершенно верно, – сказал Пратики. – И мы должны верить, что нашему возлюбленному монарху известен способ этого добиться.

– Конечно, ваше высочество. Я слышу королеву в вашем голосе.

– Так и есть. – Пратики снова заволновался. – Смотрите! Видите, что происходит? Они услышали удары молотов – и пришли на призыв!

Вийеки увидел, как земля перед внешней стеной крепости сразу в нескольких местах начала вспухать, подобно следам туннелей, проделанных кротом, – вот только кроты были размерами с дом. Но Вийеки не мог сосредоточиться на зрелище, представшем его глазам, потому что ему в голову пришла поразительная идея.

«Клянусь Садам, породившим нас, я думаю, что даже принц Пратики не знает, чего хочет королева! – От этой мысли у Вийеки перехватило дух. – Принц королевского дома Хамака не знает тайны Короны из Ведьминого Дерева!»

Внезапное появление войска норнов возле стен Наглимунда казалось нереальным, словно кошмар. Сэр Элин и капитан Фейн сбежали вниз по ступеням башни и помчались к стене внутренней цитадели, но к тому моменту, когда они поднялись на бастионы, клиновидный участок внешней стены уже потрескался и рухнул, и первые огромные волосатые солдаты врага устремились внутрь, минуя развалины внешней стены.

– Да защитит нас Эйдон, – воскликнул Фейн. – Гиганты!

Элин смотрел, как чудовища пробираются сквозь неровную дыру во внешней стене и груды упавших камней, но еще больше его поразила их ноша.

– У них на плечах сидят солдаты норнов, – сказал Элин.

– Вы о чем? Я вижу только белых косматых монстров из ада. Видимо, ваши глаза лучше моих.

– Гиганты несут норнов с молотами! – объяснил Элин.

Дядя Эoleyр рассказывал ему, что враги использовали магические молоты против стен Наглимунда во время войны Короля Бурь, но он думал, что это были ситхи, а не их кузены норны.

Часовые на оставшихся участках внешней стены поднялись на ноги и бросились к брешу, стреляя в атаковавших крепость солдат из луков, но, хотя одного из обладателей молота удалось сбить с плеч гиганта стрелой, остальные быстро перебрались через груды камней и побежали вверх по склону к внутренней стене крепости. Фейн выкрикнул приказ защитникам замка занять места на бастионах, лучники расположились по обе стороны от капитана и стреляли вниз, в норнов, сидевших на своих двуногих скакунах. После следующего приказа Фейна группа копейщиков выскочила из ворот навстречу врагу, но Элин сразу понял, что храбрых защитников явно недостаточно, чтобы остановить гигантов. После каждого взмаха волосатой бледной руки смертный солдат отлетал в сторону, и никто из них уже больше не поднялся.

– Нам нужны еще солдаты! – крикнул Элин капитану Фейну.

Снизу доносились громкие голоса защитников и рев косматых гюне. Гиганты спустили на землю своих всадников, которые образовали вокруг них широкое оборонительное кольцо. Затем, словно норнами овладело безумие, вместо того, чтобы попытаться разрушить внутреннюю стену, они начали колотить по земле молотами на длинных ручках.

– Что они делают? – спросил Фейн. – Факелы! Принесите факелы!

Дюжины смертных защитников Наглимунда столпились возле стены замка, чтобы посмотреть на мертвую траву и темную землю под ними. В свете факелов стало видно, что защитники замка быстро гибнут в неравной схватке с облаченными в доспехи гигантами.

Фейн понял, что атака смертных была бесполезной.

– Отступайте, – крикнул он защитникам. – Солдаты Наглимунда, отходите для защиты цитадели!

Не успел он произнести эти слова, как норны еще раз обрушили молоты на землю и остановились. На мгновение в крепости наступила тишина, и хотя несколько огненных стрел унеслось вниз с крепостной стены, норны и гиганты не обращали на них внимания.

Элин не мог понять, что происходит. Молотобойцы и гиганты проделали лишь небольшую брешь в стене, но если в нее сумели пройти гиганты, то ловкие норны проберутся внутрь, точно белые муравьи. Однако большая часть армии продолжала чего-то ждать у внешней стены. И Элин, которому и без того было страшно, почувствовал, что вот-вот произойдет нечто ужасное.

«Почему не идут в атаку остальные? – подумал он. – Господи, почему? Чего ждут проклятые Белые Лисы?»

Глухой шум, похожий на непрекращающиеся раскаты грома, обрушился на землю, проникнув до самых костей Элина, и у него зачесались уши. Внешняя стена замка внезапно закачалась в том месте, где образовалась первая брешь, через одно биение сердца начали отваливаться огромные куски камня, и дыра в стене стала еще шире – но стоявшие с другой стороны норны не шевелились.

– Фейн! – крикнул Элин. – Фейн, сейчас у внешней стены произойдет что-то страшное!

Прямо у него на глазах внешняя стена внезапно приподнялась, и две большие секции справа и слева от бреши развалились на куски. Пораженный Элин мог лишь удивляться – неужели магия норнов сумела призвать невидимого гиганта присоединиться к осаде. И тут он увидел, как нечто громадное выбралось из обломков и движется в их сторону.

Нет, сообразил Элин, не так – нечто стремительно движется под землей в их сторону. Судя по огромной массе вытесненной земли и рушащимся домам, оно направлялось к цитадели. Элин уже не сомневался, что это что-то невероятно огромное.

Гиганты и солдаты норны, уже проникшие во внутренний двор замка, стали разбегаться в разные стороны, когда невидимое существо пропахало то место, по которому они наносили удары молотами. На мгновение его спина появилась из-под перемещавшихся слоев земли – круглая, покрытая влажной грязью громада, похожая на перевернутый киль корабля. Элин с удивлением и ужасом вдруг понял, что знает, кто это.

Камнебур. Но такой огромный! Он видел следы копающих животных с множеством ног на горной гряде Грианспог и слышал легенды о том, что некоторые из них достигают размеров призового быка, но *это* существо, кем бы оно ни являлось, было больше любого быка в дюжину раз – огромным, как амбар.

А потом у Элина уже не осталось времени удивляться: прятавшееся под землей существо устремилось в их сторону с устрашающей быстротой и врезалось в основание ворот цитадели.

Стена содрогнулась и зашаталась под ногами Элина и его соратников, точно молодое деревце под порывом ураганного ветра. Элина и капитана Фейна отбросило назад, и им с трудом удалось удержаться на ногах, но полдюжины солдат Фейна, находившихся ближе к воротам, с криком полетели вниз. Затем, пока остальные с ужасом смотрели им вслед, наружу выбралось чудовище, какие появляются только в ночных кошмарах, а его многочисленные ноги молотили землю впереди. Элин не ошибся, это был камнебур, похожий на мокрицу и невообразимо громадный. Огромные челюсти сомкнулись на камнях, раздробили их, потом чудовище рухнуло обратно в туннель и снова принялось разрушать основание стены цитадели.

– Бегите! – закричал Элин. – Это камнебур величиной с дом. Он способен сожрать камень прямо у нас под ногами!

Фейн, следует отдать ему должное, не стал ставить под сомнение слова Элина и проревел приказ всем следовать за ним. Они помчались к лестнице, а цитадель содрогалась у них под ногами, точно корабль во время шторма. Чудовище снова и снова наносило страшные удары, и последнее, что увидел Элин, присоединившийся к убегающим солдатам, была оставшаяся часть армии норнов, которая устремилась в замок через брешь во внешней стене.

Элин сбежал по ступенькам вниз, уверенный, что в любой момент они могут рухнуть у него под ногами.

– *Эрнистирцы!* – выкрикнул он. – Люди Эрнистира, где вы? Я сэр Элин, и я вас зову! Скорее сюда! *Ко мне!*

Когда он оказался на земле внутреннего двора замка, стена у него за спиной начала медленно оседать. Дюжины эркинландских солдат спешили к ним из других частей замка, но капитан Фейн кричал, чтобы они оставались на своих местах. Прошло совсем немного времени с

того момента, как Элин и Фейн стояли на крепостной стене, но она уже стала рушиться, одна из башен обвалилась, и во все стороны полетели куски камней величиной с винную бочку.

Как только им удалось отвести уцелевших солдат на безопасное расстояние, Фейн наклонился, чтобы восстановить дыхание, а потом выпрямился, и Элин увидел, что его лицо стало почти таким же бледным, как у норнов.

– О милосердная Элизия, божья мать. Гиганты. Копающие чудовища. Как в древних легендах. Что мы можем сделать против подобных существ? Как защитимся от них?

– Мы можем совсем не много, пока нас так мало, – сказал Элин. – И боюсь, что уже слишком поздно защищать стены. Видите, у них есть еще чудовища – стены начинают шататься и в других местах, и Белые Лисы проникают в замок с разных сторон. Сейчас нам остается лишь отступить в цитадель.

Фейн крикнул своим солдатам, чтобы они отходили к центру крепости.

– А что будете делать вы и ваши солдаты? – спросил Фейн у Элина. – Это не ваша война.

– Теперь уже наша, – ответил Элин. – Мы не можем оставить вас сражаться в одиночку.

Пока Элин говорил, стена, на которой они только что стояли, снова зашаталась, от нее стали отваливаться огромные куски и с одинаковой легкостью давить бегущих солдат и разрушать целые дома. За ними Элин увидел гигантов, доставивших к замку молотобойцев, они пробирались внутрь замка через брешь во внутренней стене, и прямо у него на глазах сразу двух солдат Наглимунда прикончил один удар огромной дубины.

– Поспешите! – кричал Фейн голосом, полным гнева и горечи. – Все отступаем к цитадели! Здесь мы не сможем их остановить.

Пока капитан и Элин отводили уцелевших защитников крепости внутрь замка, один из преследовавших их гигантов победно взревел, размахивая над головой безвольно повисшим телом одного из смертных солдат, точно знаменем. Элин почувствовал стыд. Он знал, что ему следует бежать, но мертвое тело солдата, с которым обращались, словно с тряпкой, внезапно наполнило его яростью. Он схватил кусок стены величиной в два кулака и швырнул в гиганта. Любой камень, который он мог бросить, был слишком маленьким, чтобы причинить серьезный вред, но снаряд попал в мохнатую ногу, и чудовище закричало от боли. Отшвырнув в сторону тело солдата, гигант бросился за Элином и Фейном.

– Клянусь головой Эйдона, вы это сделали! – крикнул капитан Фейн. – Беги, друг, беги!

Они заметно отстали от остальных уцелевших солдат, и уже через несколько мгновений Элин услышал тяжелое дыхание и рев гиганта. Схватив Фейна за локоть, он оттолкнул его в сторону, и дубина величиной со ствол дерева ударила в землю, но Элин не сумел спасти капитана стражи от второго удара, последовавшего через мгновение. Раздался глухой влажный звук, и Фейна отбросило на несколько шагов. Капитан умер еще до того, как его тело упало на землю, дубина снесла ему полголовы, руки и ноги были повернуты под невообразимыми углами, как у раздавленного в пыльном углу паука.

Элину отчаянно хотелось за него отомстить, но он понимал, что с таким оружием, как меч, у него нет никаких шансов против волосатого монстра. А до тех пор, пока его люди оставались в живых, они в нем нуждались, и он не имел права распоряжаться своей жизнью.

Гигант почти его догнал. Элин метнулся в пустое здание, захлопнул за собой дверь и задвинул засов. И почти сразу понял, что нашел убежище в одной из часовен замка – месте, где его собственные боги даже не смогут его увидеть.

«Я глупец, – выругал себя Элин, перемещая скамейки к двери. – Момент моей слабости стоил жизни Фейну, а Наглимунд лишился одного из самых стойких защитников. Если вы способны слышать меня, великие боги, я прошу вашего прощения!»

Ревущий гигант, оставшийся за дверью часовни, казалось, забыл о главном сражении, так сильно ему хотелось добраться до Элина, и принялся колотить в тяжелую дверь. Элин взобрался на ковчег, а оттуда на подоконник бокового окна и неуклюже прыгнул на землю.

Когда он бежал в сторону цитадели, он видел, как вокруг падают внутренние стены, камнебуры продолжали свое черное дело. Бледные норны были со всех сторон, они выволакивали кричавших смертных из их временных убежищ и почти всех тут же убивали. Кроме того, они окружили основные строения крепости, а ревущие злобные гиганты выламывали двери.

«Уже слишком поздно, – сообразил Элин. – Мы проиграли. Наглимунд обречен».

Всюду, куда смотрел Кафф, бледные, похожие на людей существа заполняли внешний двор замка, как случилось, когда ему доводилось потревожить крысиное гнездо на крыше. Бледные существа убивали всех; он видел, спрятавшись в узком темном переулке, как один из них ударил копьем священника и побежал дальше, не обращая внимания на предсмертные судороги своей жертвы.

Кафф Молоток не всегда знал, что происходило вокруг него, но сейчас *понимал*, и это пугало его больше, чем что-либо прежде: демоны выбрались из ада, чтобы уничтожить живых! Только демоны причиняют вред священникам, которых бог послал, чтобы они заботились о Его детях и охраняли их от всего плохого, что есть на свете. Но сейчас даже священники стали беспомощны. Ад разверзся, и демоны собрались в замке Наглимунд.

Кафф бросился в переулок, чтобы спрятаться, и сейчас сидел на корточках и дрожал за грудой вонючего мусора. Крики ужаса умирающих женщин и детей вызвали у него слезы.

«Нет! Нельзя плакать, – сказал он себе. – Отец Сивард сказал, что ты не должен!» Плачут только маленькие дети – святой отец повторял это много раз.

Три солдата вбежали в переулок, Кафф успел разглядеть лебедей на туниках и понял, что они из Наглимунда, и уже хотел их позвать, но через мгновение появился высокий демон верхом на лошади, копыта которой цокали по камням. Еще полдюжины белокожих демонов появилось за своим командиром на коне, закрыв выход из переулка. Дьяволы держали в руках топоры и длинные странные копья, а их призрачные лица усмехались, словно они радовались какой-то ужасной шутке, но глаза оставались черными и пустыми. Кафф беззвучно плакал, в беспомощном ужасе глядя, как они подскочили к солдатам и быстро с ними расправились, но продолжали рубить тела даже после того, как они умерли.

Конный командир принялся всматриваться в переулок, и на миг Каффу показалось, что демон из ада его увидел. Сердце у него в груди билось так сильно и так быстро – и Кафф испугался, что его тело не выдержит и разорвется. А потом демон дернул поводьями, развернул лошадь и ускакал. Остальные последовали за ним, безмолвные, точно волки, вышедшие на охоту.

Крики и шум бойни стали постепенно удаляться, и к Каффу вернулась часть его мужества. Он выбрался из-за помойки и вышел из узкого переулка между двумя домами. Улицы внутренней части замка заполнили красные и оранжевые мерцающие огни, в более высоких зданиях пылал пожар, и жадные языки пламени вырывались из окон. Для Каффа Наглимунд был неизменным и бессмертным, точно скалистые горы Вильдхельма или сам великий лес. Теперь повсюду бушевал огонь и валялись мертвые тела. Он знал: наступил День последнего суда, конец всего мира, о котором его предупреждал священник, ведь вокруг было полно грешников.

Кафф посмотрел через двор в сторону цитадели и увидел, как из земли выбралось огромное чудовище и тряхнуло плоской головой, разбрасывая в разные стороны камни и землю. Кафф знал, что такое огромное и ужасное страшилище может быть только самим Искусителем, пришедшим, чтобы всех забрать. Он повернулся и, всхлипывая, побежал в сторону длин-

ной стены пекарни, ближайшего строения, на которое мог взобраться. Кафф не слышал звуков погони, но, как только он вцепился пальцами в трещины на оштукатуренной стене и полез наверх, из тени появились три или четыре фигуры и мгновенно оказались рядом. Он попытался их опередить, но сильная рука схватила его за щиколотку, и он не сумел вырваться. Демоны умели лазать так же быстро, как он! Кафф посмотрел вниз, увидел кольцо белых, точно кости, лиц, смотревших на него черными глазами, успел издать пронзительный вопль – и его стащили со стены.

Сэр Элин считал, что его единственный долг – это разыскать оставшихся в живых эрни-стирцев, которых он сюда привел, и вывести их из Наглимунда. Он был обязан помочь им выбраться из ада и уйти на юг, в Хейхолт, чтобы рассказать королю Саймону, королеве Мири-амель и дяде Эoleyру о том, что здесь произошло. Но он понимал, что сумеет выполнить свою задачу только в том случае, если спасется от чудовищ и переживет следующий час.

«Это твоих рук дело, Хью, – думал он, оставив часовню за спиной, и, если бы король Эрнистира сейчас стоял перед ним, Элин убил бы его без колебаний, несмотря на клятву верности. – Вся кровь сегодняшней ночи на твоих руках».

Элин, который так часто думал о том, как должен поступать дворянин, старался изо всех сил следовать примеру своего дяди, и сейчас с трудом сдерживал слезы из-за глубины предательства Хью не только своих подданных, но и всех смертных людей.

«Я позабочусь о том, чтобы ты ответил за все. Клянусь посохом Бриниоха», – подумал он.

Гигант сообразил, что его обидчик сбежал: Элин слышал, как он ревет от разочарования, выбираясь из разрушенной часовни, где никого не нашел, оставляя у себя за спиной растоптанные реликвии. Элин понимал, что должен отыскать своих людей, но с каждым мгновением надежды на то, что кто-то из них уцелел, становилось все меньше.

«Темнота возвращается. Остается лишь сражаться и умереть», – решил он.

Когда он приблизился к цитадели, перед ним неожиданно на фоне пылающих пожаров возник силуэт. Элин поднял меч, собираясь защищаться, но, к его удивлению, услышал из темноты знакомый голос:

– Нет, милорд! Это я.

– Джарет? Неужели, ты?

– Да, сэр.

– Тогда нам нужно спешить, за мной гонится гигант.

Джарет присоединился к нему и указал в сторону конюшен.

– Туда, сэр. Маккус и эйдонит седлают там наших лошадей – если они еще живы.

Элин слышал, каким охрипшим стал голос его оруженосца, но не мог винить юношу: уже одно то, что он сумел сохранить присутствие духа посреди царившего вокруг ужаса, свидетельствовало о его мужестве.

Рухнуло уже множество внутренних стен, в результате погасло большинство факелов, освещавших внутренний двор цитадели. Казалось, Белые Лисы повсюду, но вскоре Элин понял, что их не так много, как он подумал сначала. И все же внутри Наглимунда их набралось несколько сотен, и ему с Джаретом потребовалось немало времени, чтобы миновать цитадель, перебегая от одной тени к другой. Норны уже выводили пленников из внутренних зданий, мужчин убивали сразу, и Элин с трудом заставлял себя двигаться дальше.

«Мы никого не сможем спасти, – говорил он себе. – Мы погибнем сами, и тогда никто не сообщит о том, что случилось с Наглимундом. – Однако доводы разума не могли справиться

со страшной болью, которая его наполняла. – Верховный Престол должен узнать о нападении норнов! Смерть коварно убитых людей требует отмщения!»

Внимание норнов было сосредоточено на схватке в цитадели, поэтому Элин и Джарет сумели добраться до конюшен, не вступая в бой, хотя несколько раз избежали его только чудом; однажды им пришлось сидеть на корточках в тени и смотреть, как норны с мертвенно-бледной кожей обезглавили нескольких наглимундцев, и среди них плачущую женщину, которая отчаянно сопротивлялась, и у Элина возникло ощущение, будто он проглотил медленно действующий яд.

Внутри конюшен Маккус Черная Борода и Эван Эйдонит седлали и взнуздывали лошадей так быстро, как только могли, не привлекая внимания белолицых воинов, рыщущих во дворе.

– Больше никого из наших не уцелело? – спросил Элин.

Он привел в Наглимунд восемь человек.

– Мы никого не видели, – ответил Маккус. – Там творится настоящее безумие. Безумие!

– Я знаю. У нас есть только один шанс – бежать в лес. В любом другом месте они нас перебьют. Белые Лисы – превосходные лучники.

– Я оседлал вашу лошадь, сэр Элин, – сказал Эван.

– Спасибо. – Элин похлопал Коннаха по загривку, и жеребец принялся нервно переступать копытами.

Запах дыма и шум схваток сильно напугали животных, но Элин надеялся, что они сумеют взять их под контроль, как только выберутся из конюшен.

– Выводите лошадей наружу и держитесь подальше от цитадели, – сказал он. – Мы не знаем, что там происходит, так что не садитесь в седла до моего приказа.

Как единственный воин дворянского происхождения, Элин настоял на том, что он должен первым выйти из конюшен, чтобы проверить, не ждут ли их там норны. Коннах задержался у входа, но Элин сильно потянул за поводья и осторожно выглянул наружу, продолжая шептать коню успокаивающие слова, и после недолгих колебаний Коннах последовал за ним.

Чудовищные атаки из-под земли разрушили большинство стен вокруг цитадели. Почти все огромные существа вернулись в свои норы, но бреши в стенах заполняли солдаты-норны, поэтому Элин и его спутники – эрнистирцы старались оставаться в тени. Белых Лис было слишком много, чтобы с ними сражаться, но Элин полагал, что их должно быть гораздо больше.

«Однако, – подумал он, – им не нужно столько солдат, сколько нам, ведь у них есть могучая магия, молоты, чтобы ломать стены, и копающие чудовища».

И тут он вдруг понял, что все это время не давало ему покоя. Он видел всего нескольких молотобойцев, атаковавших замок, и не мог представить, что они сумеют разрушить стены, не подавив сопротивление защитников Наглимунда на бастиях.

«Молотобойцы и не собирались разрушать все стены Наглимунда, – догадался Элин, – лишь некоторые, чтобы ворваться внутрь замка. После чего они использовали молоты, чтобы призвать огромных копающих чудовищ, которые способны очень быстро решить задачу».

Убедившись, что поблизости от конюшен нет норнов, он повернулся к своим людям.

– Садитесь в седла, но опустите капюшоны пониже, будем надеяться, что нас примут за норнов. Нам нужно двигаться к восточной стене, расположенной на склоне холма, найти брешь и выбраться из замка. Далее поскачем вверх и свернем в лес Альдхорт, начинающийся по другую сторону холма. Вперед!

Они выехали на неровную землю двора замка и поскакали прочь от цитадели. Их окружали мечущиеся тени, дико увеличенные мерцающим пламенем пожаров, и Элин видел норнов повсюду вокруг цитадели, но пока их никто не заметил.

Им удалось выскочить из внутреннего двора, и, когда впереди показалась внешняя стена, Элин заметил в ней брешь между боковыми воротами и сторожевой башней в углу, которую не охраняли Белые Лисы. Через мгновение он увидел огромного камнебура, проделавшего тун-

нель под стеной, после чего та рухнула, но обломков было так много, что массивное существо оказалось в ловушке; тупая верхняя часть туловища беспомощно раскачивалась из стороны в сторону, а ноги торчали вверх, словно чудовище пыталось дотянуться до небес, но громадная груда камней надежно его удерживала. Здесь был выход, но Элин не представлял, как они смогут миновать рвущееся на свободу чудовище и избежать его огромных щелкающих челюстей.

Но тут он увидел длинное копьё, брошенное одним из защитников замка, и у него появилась идея.

– Джарет! – крикнул он. – Дай мне то копьё. Остальные – следуйте за мной!

Джарет явно не понял, что задумал Элин, но соскользнул с седла, схватил копьё, которое вдвое превышало его рост, и принес Элину.

– Возвращайся в седло. – Элин постарался уравновесить копьё в правой руке, как во время рыцарского поединка.

Он не стал оборачиваться, чтобы проверить, следуют ли за ним остальные, пришпорил Коннаха и поскакал вперед, в сторону продолжавшего дергаться чудовища.

Элин не видел у него глаз – да и зачем они существу, живущему под землей? – поэтому решил, что крючкообразные челюсти будут самой подходящей целью, снова пришпорил своего жеребца, нанес удар копьём и мгновение так крепко на него давил, что длинное древко начало гнуться, а потом железный наконечник соскочил, копьё выпрямилось и вырвалось из его руки. Элин на всем скаку соскочил с седла, больно ударился о землю, и у него перехватило дыхание.

На мгновение его окружили пламя и красные всполохи света, словно еще один громадный камнебур принялся расшатывать весь Наглимунд сразу. Но Джарет помог ему сесть, и Элин понял, что это его ошеломленный мозг заставил мир вращаться. Однако огромный зверь продолжал ворочаться среди обломков; атака Элина ничего не изменила.

– Он прожирает камень, – сказал Элин.

– Что, милорд? – спросил его оруженосец. – Мы должны что-то делать – Белые Лисы нас заметили!

Джарет был прав: несколько теней отделились от большой группы возле цитадели и поспешили к ним, но Элин лишь посмотрел на них и снова повернулся к чудовищу.

– Я глупец, он прожирает камень челюстями! – сказал он. – С чего я взял, что смогу причинить ему вред с этой стороны? – Элин вскочил на ноги и поднял копьё. К счастью, оно не сломалось. – Скажи остальным, чтобы приготовились! – крикнул он Джарету.

На этот раз Элин не стал садиться на лошадь, а взобрался на груду камней и начал приближаться к слепому чудовищу, решив, что не будет атаковать его спереди, – он обошел его сзади и вогнал наконечник копьё под перекрывавшие друг друга пластины брони. Через мгновение чудовище почувствовало, что его атакуют, и, щелкая челюстями, стало поворачивать переднюю часть тела назад. Внезапный рывок сбил Элина с ног, но он тут же вскочил, схватился за древко и еще глубже вогнал под пластины. Наконец Джарет и остальные эрнестирцы поняли, что делает Элин, и двинулись мимо чудовища, стараясь держаться от него как можно дальше. Джарет вел в поводу Коннаха.

Элин принялся вращать древко, пытаясь нанести как можно более глубокую рану, чтобы отвлечь многоногое чудовище от пробиравшихся мимо него людей, но уже дюжина норнов бежала в их сторону – Элин знал, что еще несколько мгновений, и его с товарищами ждет смерть.

Как только Элин еще раз надавил на копьё, огромный зверь сделал последнее усилие и сумел наполовину выбраться из каменной груды, разбрасывая во все стороны огромные обломки. Элин услышал крик за спиной, но у него не оставалось времени обернуться, потому что он продолжал давить на копьё, а чудовище отчаянно пыталось вырваться. Зверь сделал еще одно отчаянное усилие, рванулся вверх, и в воздухе оказалось еще полдюжины ног, каждая величиной с самого Элина.

Затем бронированный зверь наклонился в сторону и с легкостью вырвал копье из рук Элина – так взрослый отнимает веточку у ребенка, – но в результате чудовище ударило в дверцу сторожевой будки, каменное сооружение содрогнулось от основания до крыши и развалилось на части. А зверь, все еще не высвободивший нижнюю половину тела, оказался погребенным под обломками.

У Элина не было времени, чтобы насладиться зрелищем: норны уже почти их настигли. Маккус и Эван находились по другую сторону разрушенной стены, поэтому Элин повернулся, чтобы забрать поводья Коннаха у Джарета, но обнаружил только своего жеребца, стоявшего на дрожащих ногах с широко раскрытыми от ужаса глазами. Огромный кусок стены рухнул, и Джарет исчез, а на его месте осталась лишь окровавленная нога без сапога, торчавшая из-под груды камней.

Сморгнув слезы, Элин вскочил в седло Коннаха.

«Ты снова меня обокрал, Хью, сын Гвитинна! – подумал Элин, переезжая развалины стены, затем пришпорил Коннаха и поскакал вверх по темному склону. – Ты украл человека, близкого моему сердцу. И я позабочусь о том, чтобы ты за это заплатил. И, если сами боги не сделают меня лжецом, клянусь, я заберу твою жизнь за совершенные тобой преступления!»

Глава 34

Сбор тростника

Морган покачулся и пошел назад, к плоскому участку берега, с трудом удерживая равновесие и проваливаясь в жидкую грязь по колено. Выбравшись на сухое место, он бросил охапку тростника, которую принес, и застонал.

– Как жарко. Как здесь вообще может быть столько грязи при таком палящем солнце?

Танахайа даже не посмотрела в его сторону, продолжая заниматься своим делом.

– К тому времени, когда начнутся дожди, здесь все высохнет. Таков следующий поворот колеса. – Она взяла несколько пучков тростника и связала их веревкой, которую сплела из травы, пока Морган шлепал по берегу реки и тупил свой меч, срубая длинный тростник, раскачивавшийся на ветру. – Помоги мне сложить тростник на бревна, – добавила Танахайа.

Морган помог ей поднять длинные пучки связанного тростника. Лодка получилась длинной в два роста Моргана.

– А она выдержит нас обоих? – спросил он.

– Ты постоянно жалуешься на голод, – сказала Танахайа, даже не улыбнувшись, – зато теперь ты стал достаточно легким, и лодка сможет нести нас обоих.

Морган не знал, шутит она или действительно им недовольна. Он старался изо всех сил, не жаловался, но рубить тростник под жарким солнцем было утомительной работой, к тому же его постоянно больно кусали всякие мелкие крылатые существа. Он смотрел, как Танахайа стягивает веревками пучки тростника.

– А лодка будет достаточно прочной? В средней части реки довольно сильное течение.

Танахайа бросила на него очередной непонятный взгляд и снова принялась связывать пучки тростника ловкими и быстрыми, – как пчелы, перелетающие с цветка на цветок, – пальцами.

– Верно. Есть места, в которых Т'си Сайасей течет очень быстро. Нам потребуются весла. Быть может, когда ты будешь рубить новый тростник, тебе удастся подыскать подходящие ветки.

– Я должен *снова* рубить тростник?

– Да, Морган. Но осталось немного. Еще один такой же пучок, как ты только что принес. Кроме того, нам нет нужды спешить – лодка должна сохнуть на солнце не менее дня, прежде чем мы сможем спустить ее на воду.

– Еще один день?

Теперь он не сомневался, что Танахайю забавляет и раздражает происходящее.

– Да. Принц Вопросы. Если только ты не хочешь идти до Да'ай Чикизы пешком вдоль берега реки. Но я думаю, ты начал понимать, как это будет трудно, пока занимался добычей тростника. И все же, как я сказала, тебе не нужно слишком спешить. То, что ты уже принес, займет меня на некоторое время. Ты можешь снова отправиться за тростником, когда солнце немного опустится и воздух станет прохладнее.

В первые мгновения после того, как он просыпался, и во все предыдущие дни, Саймон думал, что он повернется и увидит рядом спящую Мириамель, прекрасные волосы рассыпаны по подушке, и она громко дышит, из-за чего он не раз ее дразнил. Но еще до того, как он пошевелился, тишина напомнила ему, что ее здесь нет и их все еще разделяет множество лиг.

Саймон чувствовал себя странно, просыпаясь каждый день после сна, лишённого сновидений, и всякий раз испытывая боль из-за отсутствия Мириамель. Ему казалось, что происходящее лишено смысла. Они расставались на несколько месяцев, когда он воевал с тритингами. А сейчас Мириамель уехала в Наббан в тьегаре, септандер уже подходил к концу. Он должен был привыкнуть к ее отсутствию, не так ли?

Он сел, оперся спиной о подушки и сложил рядом покрывало. Хотя Мириамель отсутствовала уже очень давно, он все равно спал на своем месте, как будто она была с ним. Изгримур и Гутрун около двадцати лет назад – или уже прошло тридцать лет? – подарили им кровать из ясеня. Просто поразительно, как быстро бежит время. Для Саймона – который все детство проспал на полу рядом с другими слугами и невероятно радовался, когда у него появилась собственная узкая койка, – подарок герцога и герцогини имел такое же огромное значение, как если бы он получил целый замок. Иногда, еще не до конца проснувшись, он лежал и смотрел на льняные занавески и представлял, что находится на корабле с парусами, наполненными ветром. Но теперь, когда он стал единственным пассажиром, ему иногда казалось, будто он оказался на корабле-призраке, обреченном скитаться по морям до конца времен.

Раздраженный собственными мрачными мыслями, Саймон сел и потянулся к чаше, стоявшей на маленьком столике. Когда он поднес ее к губам, в ногах кровати неожиданно появилось лицо, так сильно напугавшее Саймона, что он пролил вино на ночную рубашку.

– Вам что-то нужно, ваше величество? – Молодой Эвел потер глаза и сделал вид, что проснулся всего пару мгновений назад. Саймон совсем забыл о молодом слуге, который спал на полу в ногах его кровати.

– Клянусь святым Приапом, ты напугал меня, мальчик. – Саймон посмотрел на свою рубашку. – Мне требуется одежда, не испачканная вином, вот что мне нужно.

– Да, ваше величество. – Эвел поспешил к шкафу и принялся в нем рыться. – Следует ли мне пригласить лорда Джеремию? Он лучше знает, какую одежду вы носите днем.

Саймон вздохнул.

– Нет, не нужно. Просто дай мне что-нибудь чистое и королевское. Сегодня у меня целая куча дел. – Так и было, и именно по этой причине ему не хотелось выбираться из высокой кровати-корабля, чтобы ступить на сушу долга.

Саймон ждал послания от Осрика с границы с тритингами, ему следовало подготовиться к визиту графини Исоллы, дочери графа Стриве, которая, вне всякого сомнения, начнет предъявлять дурацкие претензии из-за вражды с Северным Альянсом. Саймон никогда не встречал эту женщину, и рассказы о ее железной воле и вспыльчивом нраве делали предстоящее знакомство нежелательным.

«Господи, как бы я хотел, чтобы Мири была здесь, – подумал он. – Я бы предоставил ей иметь дело с пердруинской волчицей». Он не сомневался, что королева никогда и никому не позволит себя победить, в особенности если речь о другой женщине. Однако Саймон знал, что плохо умеет спорить с прекрасным полом, а страх совершить невежливый поступок часто мешал ему гораздо больше, чем помогал.

– Как вам нравится вот это, ваше величество? – спросил Эвел, показывая толстую тунику из зеленого бархата.

– Ради Бога! – завопил Саймон. – Я приношу свои извинения за то, что упоминаю Его имя всуе, но о чем ты только думаешь, мальчик? Солнце будет сегодня таким жарким, что даже деревья начнут мечтать о тени.

– Смешно, сир, – сказал Эвел. – Деревья начнут мечтать о тени. Я запомню. Саймон усмехнулся, и предстоящий день уже не казался ему таким мрачным.

– Старый конюх Шем часто это повторял, – сказал Саймон. – И я всегда смеялся. А еще он говорил: «Было так жарко, что я видел, как два дерева дрались из-за собаки».

Пока мальчишка размышлял над последней фразой, в дверь королевских покоев постучали. Вошел страж и сказал:

– Лорд-камергер.

– Я рад, что вы уже проснулись, – сказал ему Джеремиа и посмотрел на пажа, державшего в руках тяжелую бархатную тунику. – О, отличный выбор, парень! Зеленый бархат... очень впечатляющий наряд, полагаю. Позволь мне подобрать к нему цепь, инкрустированную самоцветами, которая подойдет лучше всего. Пожалуй, вот эта, тяжелая, сделанная из серебра, просто идеальное украшение. Очень впечатляюще, очень по-королевски.

Саймон закрыл глаза и безмолвно пожелал вернуться обратно в постель, но его ждало столько дел. Люди в нем нуждались. И он был здесь единственным Верховным королем.

– Ну, старый друг, какие государственные проблемы нам предстоит решить сегодня?

Король старался говорить весело, но Тиамаку не понравилось то, что он увидел. Саймон, один из самых высоких мужчин, каких он знал, сидел на стуле, опустив плечи, как человек двадцатью годами старше, а темные круги под глазами говорили о том, что он плохо спал ночью. Тиамак бросил быстрый взгляд на жену, которую привел по собственным причинам, и понял, что Телия также внимательно смотрит на Саймона.

– Их очень и очень много, как всегда, – ответил Тиамак. – Оборона замка и готовность наших солдат, сэр Закиель хочет, чтобы вы уделите ему немного времени, но я полагаю, что он собирается прийти к вам после полуденной трапезы. Я все еще пытаюсь собрать лидеров Северного альянса, потому что они очень хотят поговорить с вами до того, как вы примете графиню Иссолу.

Саймон вздохнул.

– Конечно, хотят. Да, я обязательно приму Закиеля. Что же до купцов Северного Альянса, я доверяю тебе и Пасеваллесу с ними разобраться.

Пасеваллес, сидевший молча с кипой документов на коленях, кивнул.

– Как пожелаете, ваше величество.

Тиамак с удовольствием передал бы эти дела, а также многие другие, лорд-канцлеру. У него самого имелось множество забот. Работы в большой библиотеке прекратились из-за тревожной ситуации, возникшей в связи с возможным нападением норнов, а также странных, пугающих слухов из Эрнистира. Покои Тиамака и Телии были забиты книгами, которые он рассчитывал переправить в новое здание; множество других томов пришлось распределить по замку на временное хранение – в тех случаях, когда Тиамаку удавалось отвоевать место у дворцовых и горничных.

Тот факт, что некоторым из уникальных книг было более ста лет, не производил ни малейшего впечатления на слуг, которые видели гораздо больше пользы в дополнительных метлах, гобеленах и запечатанных бочках с рыбным соусом, которые стояли (и, весьма возможно, давно протухли) еще со времен коронации Саймона и Мириамель.

Саймон махнул рукой, и один из пажей подошел, чтобы наполнить его чашу вином. На сей раз Тиамак не стал смотреть на жену.

– Как вы себя чувствуете, ваше величество? – вместо этого спросил он.

– О, упаси меня Господи – *ваше величество*? – Саймон огляделся по сторонам. – Здесь нет посторонних, только ты, я и Пасеваллес. Неужели формальности так необходимы?

– Мне легче о них помнить, когда рядом другие люди. Но я постараюсь не называть тебя «ваше величество», если тебе не нравится, Саймон.

– И не нужно ругать меня за то, что я спросил о делах. – Саймон нахмурился. – Просто у меня выдалась еще одна плохая ночь.

Тиатак понял, что наступил подходящий момент.

– Я хочу, чтобы ты позволил леди Телии сделать для тебя настойку снотворного. Как тебе известно, моя жена мастерица в этих делах.

– Совсем простую настойку, – быстро добавила леди Телия. – Немного мяты и, быть может, ромашки. Я бы еще набила подушку перечной мятой и розовыми лепестками, которые дарят успокаивающий сон.

Саймон покачал головой.

– Бинабик сделал мне амулет, и он навевал ужасные сны – так что стало даже хуже, чем когда у меня их совсем не было. Разве вы не помните? Ты ведь все видел, Тиатак. Я напугал несчастного ребенка в замке старого Нарви, когда ходил во сне.

Тиатак сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

– Но, Саймон, это же совсем другое дело. Из того, что мне сказал Бинабик...

– Амулеты или лекарства, какая разница? Как только Мири вернется, я буду в полном порядке. Я скучаю без нее, но она скоро будет здесь, и все снова наладится. Нет, никаких амулетов или настоек.

Тиатак посмотрел на Телию. Его злило, что король относится к их занятиям и серьезным экспериментам так же, как к колдовству тролля из Минтахока, но он уже понял, что сегодня ему не удастся добиться согласия короля по данному вопросу.

– Ну, что ж, в таком случае, – сказал Тиатак, – с чего начнем?

– Итак, что там по поводу Иссолы? – спросил Саймон. – Значит, она точно сюда приедет? Но зачем? Чего она рассчитывает добиться?

– Говорят, что она могущественная женщина, обладающая даром убеждения, *ваше величество*, – заговорил Пасеваллес. – Я не уверен, что вам стоит устраивать для нее личную аудиенцию.

Саймон приподнял бровь и нахмурился еще сильнее.

– Лорд Пасеваллес, вы, как и моя жена, считаете, что я не могу находиться наедине с женщиной, не выставив себя дурачком? Неужели вы думаете, что стоит ей распутно подмигнуть мне, и я решу пренебречь Северным альянсом ради Пердруинского синдиката?

– Разумеется, нет, сир. Конечно, это весьма сложный вопрос, но он не такой срочный, как проблемы с нормами. – Пасеваллес помолчал и сотворил Знак Дерева. – Ведь война уже совсем рядом. Синдикат и альянс пытаются не допускать друг друга в порты, которые они считают своими, а в нейтральных неизменно устраивают драки. Иногда в них погибают люди. Кроме того, они похищают матросов с кораблей соперников, а порой занимаются пиратским промыслом, впрочем, осторожно и выборочно.

– О, раз все настолько сложно, вы с Тиатаком непременно должны стоять у меня за спиной? Король Простолудинов не сможет разобраться в столь непростых проблемах?

Пасеваллес нацепил маску напряженного терпения – Тиатак подозревал, что и сам он нередко прибегает к такому же приему.

– Нет, *ваше величество*. Все знают и уважают ваш здравый смысл. Но подобные споры невозможно разрешить, не изучив многочисленные договоры и контракты. Не думаю, что вы готовы заняться ими лично?

– Нет, проклятье, нет. – Сегодня терпение Саймона заканчивалось гораздо быстрее, чем обычно, заметил Тиатак и вновь пожалел, что король не позволяет им помочь ему поправить

здоровье. Когда Саймон поднял руку, показывая свое неудовольствие, она задрожала, однако он, казалось, ничего не заметил. – Но я не думаю, что из моей беседы наедине с вашей Иссолой без целой армии писцов и чиновников, слушающих каждое наше слово, выйдет какой-то вред. Иногда люди гораздо проще, чем вам кажется, лорд Пасеваллес.

– Я уверен, что вы правы, ваше величество. – Пасеваллес кивнул и сел, но он все еще выглядел встревоженным, и Тиамак подумал, что ему следует больше работать совместно с нынешней Рукой короля, во всяком случае относительно плохого здоровья Саймона.

Даже если на время забыть о любимой библиотеке, Тиамак беспокоился, что слишком много важных дел еще не сделано. Из-за активизации норнов и сомнений в верности короля Хью проблема Джона Джошуа и его запрещенной книги, а также высокой вероятности того, что сын Саймона занимался исследованием подвалов Хейхолта, не обсуждалась уже почти две недели. Тиамак совсем не нравилась мысль о том, что им придется защищать замок, полный подземных ходов, которые так и остались неизученными, но Саймон явно считал этот вопрос слишком болезненным, словно ему следовало предвидеть, что его сын может обнаружить подземные тайны замка и защитить от них Джона Джошуа.

«О, брат Этан, зря я тебя отослал в такое сложное время, – подумал Тиамак. – Мне бы не помешал еще один верный человек в замке! – Он вспомнил, что не ответил на последнее письмо монаха, которое уже несколько дней лежало на письменном столе в его покоях, похороненное под грудой других бумаг, требовавших немедленного внимания. – Я очень надеюсь, что ты сейчас в безопасности, брат. И все же, как и Саймон, я должен заниматься только теми вопросами, которые важны в настоящий момент, а не тем, чем мне бы хотелось. Нет сомнений, что буря приближается, хотя мы не знаем ни ее размеров, ни насколько сильным будет удар. Сейчас нам остается лишь готовиться и молиться, что удача окажется на нашей стороне».

– Ну как? – спросила Танахайа юного принца. – Разве не замечательную лодку мы построили?

Морган смотрел на лодку с подозрением и недоверием. Как и большинство смертных, он носил свои чувства точно богатую одежду, демонстрируя их всем напоказ.

– А она будет плавать? – спросил он. – Вдруг внутрь просочится вода?

Танахайа позволила себе рассмеяться, хотя и не испытывала особого желания.

– Вот почему тростник так плотно связан. А теперь помоги мне отнести лодку на воду.

Говорила Танахайа легко и уверенно, но испытывала совсем другие чувства: ей казалось, будто она проглотила орех в твердой скорлупе, и он застрял, не добравшись до желудка. Она не могла поверить, что ее наставник Иmano мертв. Когда она оставила его, чтобы отправиться к Джирики и Адиту, Танахайа знала, что, возможно, им больше не суждено вместе наслаждаться долгими утренними часами, наблюдая, как трава отдает росу воздуху, в котором носятся разноцветные птицы, подобные вспышкам радуги, но даже представить не могла, каким окончательным окажется их расставание.

Ей было трудно помнить о настоящем ради более счастливого мира воспоминаний. Иmano обладал способностью говорить о вещах, произошедших в далеком прошлом, так, словно они случились вчера; находиться с ним рядом значило одновременно побывать в далекой древности и в настоящем.

«Вот, – мог сказать он, – песня, которую поет дрозд, словно он только что ее сочинил и хочет, чтобы все услышали, как она мудра и красива! А ты знала, что Виндамейо не приступал к изготовлению своих стрел, не сходяв сначала в сад, чтобы поблагодарить птиц за их перья?»

Ему не нравились города, он жил в окружении цветов, как мы, и двигался осторожно и тихо, чтобы не потревожить окружающую жизнь. Даже песни, которые он вплетал в свое ремесло, были не громче, чем жужжание одинокой пчелы».

Танахайа сидела рядом со своим наставником, наблюдала, как мохнатые пчелы перелетают с цветка на цветок, и ей казалось, будто Виндамейо Лучник тоже здесь, с ними.

Но она не могла долго игнорировать свои сегодняшние обязанности. С помощью Моргана Танахайа столкнула лодку на мелководье и, забравшись внутрь, протянула руку юноше, который с непонятным Танахайе сомнением ее взял. Сейчас Танахайю удивляла избыточная вера в свою способность жить среди смертных в качестве посла – так было всего несколько лун назад – и представлять свой народ, не прожив среди смертных хотя бы несколько лет. Она с трудом понимала этого ребенка, с его переменчивыми настроениями и взаимными недоразумениями.

«Ты был прав, Иmano, мой дорогой наставник, когда сказал, что лучше всего мы учимся, поняв, как мало знаем».

Морган забрался внутрь, и лодка закачалась, но Танахайа знала, что построила ее хорошо, и она вполне надежная, принц слишком сильно наклонился в сторону, и они едва не перевернулись.

– Почувствуй движение, – сказала она Моргану. – Впусти движение лодки и воды в себя, но медленно, чтобы они стали частью тебя.

– Я уже плавал на лодках, – сказал он, нахмурившись.

– Я не хотела тебя обидеть. Но маленькая лодка, в особенности на быстрой реке, это совсем другое дело. Ты не можешь заставить ее вести себя как тебе захочется. Вода течет, куда пожелает, и лодка плывет вместе с ней. Однако ты можешь позволить ее движению проникнуть внутрь тебя, и тогда сам окажешься в центре.

Морган посмотрел на нее с новым выражением – прежде она такого не видела, – смех мешался с раздражением.

– Ты сказала, что являешься ученым, но на самом деле ты учитель, – заявил Морган.

– В твоих словах есть толика истины, – признала она. – Мой наставник Иmano был и тем, и другим, и он хотел, чтобы я последовала его примеру. Знание – понимание – нельзя копить и держать в себе. Оно должно быть возвращено миру. История жизни и мысли – это все. И мы ее часть.

На лице Моргана появился интерес.

– Я как раз думал о вчерашнем дне, – сказал он. – И о том, что оказался в истории, как мои дед и бабушка. Дед часто повторял, что ты не можешь знать, какой получится твоя история, пока находишься в ее середине.

Танахайа кивнула.

– В таком случае он мудр – но я скажу тебе кое-что еще. Мы, каждое живое существо, находимся в истории – которая и есть жизнь, но в какой именно, не всегда понятно тем, кто в ней существует. Ученый – это тот, кто пытается увидеть очертания маленьких историй о людях и местах и более крупных, которые мы все разделяем, историй всего, что есть в нашем мире.

– Теперь я перестал тебя понимать. – Морган устроился на носу маленькой лодки.

– Я и сама не до конца понимаю, – призналась Танахайа и позволила боли, которую она ощущала, просочиться на поверхность. – А теперь я потеряла наставника, пытавшегося помочь мне найти понимание. Иногда я поражаюсь, как смогу дальше жить в этой истории – истории, в которой столько скорби.

Смертный юноша погрузился в долгие размышления.

– Я не думаю, что это имеет отношение к тому, чего мы хотим, – наконец заговорил он. – Я думаю, Бог помещает нас в историю, а потом оставляет, чтобы мы сами прошли свой путь.

Танахайа задумалась над словами принца. Она знала слово «Бог», но сама его не использовала, потому что оно казалось ей слишком маленьким, слишком... человеческим. Она рассматривала то, что сказал Морган, как если бы он говорил про солнце, небо, темноту и свет – память и надежду, – и обнаружила, что теперь стала лучше понимать идею. И с первым осознанием пришло следующее. Утрата Иmano действительно стала частью ее истории, в точности как процесс обучения и смерть являлись эпизодами истории самого Иmano.

– Я думаю, твои дед и бабушка очень хорошо тебя учили, – только и сказала Танахайа.

Танахайа много лет не была на реке. Они позволили течению нести их вперед, изредка направляя лодку веслами, сделанными из коры и длинных веток, и окружавшая Танахайю красота немного смягчила печаль от потери Иmano. В некоторых местах деревья теснились и склонялись над водой, словно рассчитывали узнать интересные новости; в других – расстояние между берегами становилось больше, на отмелях рос качавшийся на ветру тростник, где чистили красные перышки дрозды, демонстрируя свои яркие эполеты миру, будто рассчитывая на поздравления. А река снова и снова сворачивала, находила новый путь – единственно правильный – с безупречностью, от которой у Танахайи перехватывало дыхание.

«Река – это история, но вода – жизнь, – думала она. – У нее нет уловок и цели. Она течет, куда должна, без желания или страха, будь то под светом Матери Солнца, или печальным пустым домом Отца Луны. Река придает воде форму и направление, но направление еще не сущность. Река лишь только *там*, где она есть, *когда* она есть, и иногда *как* она есть».

Последняя мысль стала увереннее, когда они добрались до первых порогов, где Т'си Сайасей стремительно неслась вниз, возбужденная и покрытая пеной. Лодка подпрыгивала, ее швыряло течение, они меняли курс, вода вокруг плескалась и ревела, и они то и дело рисковали перевернуться; а потом, благодаря твердой руке Танахайи, свернули к берегу, подняли тяжелую мокрую лодку и отнесли ее вниз, где река была спокойнее.

Танахайа видела, что мысли Моргана заняты едой, и подумала: «Должно быть, очень неприятно не уметь игнорировать подобные вещи, жить в теле, которое постоянно молит о пропитании, точно ребенок, еще не научившийся говорить». Тем не менее она не хотела останавливаться, пока они не будут готовы разбить лагерь, хотя у них не осталось никакой еды – лишь надежда поймать рыбу. Танахайа рассчитывала, что еще до остановки они увидят Да'ай Чикизу, хотя бы издалека, но уже знала, что сегодня этого не произойдет.

– Я хочу есть, – сказал Морган.

– Я знаю, – ответила Танахайа. – Мы скоро остановимся.

– А до него еще далеко? – спросил Морган, сидевший на носу и смотревший на гладкую безмятежную реку. – До города, куда мы плывем?

– Много сотен лет, – ответила она, – во всяком случае, в памяти. Но завтра мы туда доберемся.

– И они позволят нам воспользоваться зеркалом? Свидетелем?

– У меня нет полной уверенности, что кто-то из моих соплеменников все еще там живет. Чистые держались особняком с тех пор, как на Джао э-тинукай'и напали в то время, когда там побывал твой дед. Виньеда, госпожа преданий, привела в Да'ай Чикизу несколько своих родственников и приверженцев. Вполне возможно, что никому не удалось выжить. Но, если мы их найдем, ты должен предоставить мне говорить за нас обоих. Чистые очень горды и полны гнева по отношению к смертным.

Морган заметно удивился.

– Что ты хочешь сказать? Они могут попытаться нас убить?

– Я сомневаюсь, что они настолько утратили мудрость, – ответила Танахайа.

Река несла их дальше, и довольно долго они слышали только ее песнь.

– Я заметил, – наконец прервал молчание Морган, – что ты не ответила на мой вопрос.

– Я знаю. И я бы туда не отправилась, если бы у меня имелся выбор, – только и смогла сказать Танахайа.

Морган старался изо всех сил, пытаясь найти какую-нибудь еду, использовал все свои навыки, полученные от РиРи и ее семьи, собрал дикую смородину и выкопал большой гриб из-под сгнившего ствола. Мысли о маленьком существе, с которым он так долго путешествовал, неожиданно наполнили его грустью. Морган надеялся, что РиРи жива и находится вместе со своей семьей.

От РиРи мысли Моргана перенеслись к сестре Лиллии. Ей хотя бы не приходится опасаться змей и лисиц, но то, что сестра так далеко, причиняло ему боль. Она даже не знала, что он жив! Поэтому Морган твердо решил дойти вместе с ситхи до конца, чтобы иметь возможность вернуться к Лиллии и своим родным.

Когда он собрал достаточно, чтобы вместе с маленькой рыбкой, которую они поймали, у них получилась нормальная трапеза, Морган поспешил вернуться в лагерь на берегу реки. Он знал, что Танахайа больше скорбит о смерти своего наставника, чем ему показывает, и хотел как-то поднять ей настроение.

Поляна, которую Танахайа выбрала для лагеря, находилась в ложине, спрятанной между двумя сильно заросшими лесом холмами, и она развела костер. Морган достал ягоды и грибы из сумки и присел на корточки, чтобы передать свою добычу Танахайе. Она долго смотрела на нее, а потом улыбнулась.

– Спасибо тебе, Морган. Это очень хорошо, что я путешествую не одна и у меня есть друг.

Затем, невероятно его удивив, она взяла его голову в свои прохладные ладони, нежно притянула к себе и поцеловала в лоб.

– Ты добрый юноша, – сказала она.

Морган выпрямился, почувствовав, как его лоб и щеки внезапно стали теплыми, словно он вернулся в дом с холодного ветра.

– Спасибо, – ответил он.

Его должно было порадовать это проявление привязанности, даже наполнить счастьем, но Морган смутился и вспомнил тот день, когда видел, как Танахайа купалась в реке. Он пытался отбросить воспоминание о ее стройном золотистом теле, но оно постоянно оставалось где-то рядом и сейчас вернулось с такой силой, какой не имело даже во время долгих ночей, проведенных рядом с ней.

– Подожди немного, я приготовлю грибы, и тогда мы поедем, – сказала она. – А сейчас постарайся согреться. У тебя такая холодная кожа.

В течение первого часа спустившейся ночи поднялся ветер, и холод окутал речную долину, заставив замолчать ночных птиц и разбудив Моргану. К своему удивлению, он обнаружил Танахайю на земле рядом с собой – ситхи лежала, повернувшись к нему спиной, и, судя по всему, спала, а он редко видел, чтобы такое случалось за время их совместного путешествия. Дрожа от неожиданного и усиливающегося холода, Морган попытался снова заснуть, но не смог, и в голове у него всплыли рассказы деда и бабушки о днях войны Короля Бурь и наступившей в Эркинланде зиме, которая, казалось, никогда не закончится.

«Неужели все начинается снова? – подумал он. – И норны насылают на нас бури?»

– Это лишь осень, переходящая в зиму, – неожиданно заговорила Танахайа, казалось, подслушавшая его мысли, но так и не повернувшись к нему лицом. – Не бойся холода, в нем нет ничего сверхъестественного. И придвинься поближе ко мне, если ты сильно замерз.

Морган послушно подвинулся и оказался совсем рядом с ней. Его сонный разум в очередной раз подивился природе ситхи, способных все понимать, умеющих контролировать погоду и не терять направление, а иногда управлять солнцем и светом в небесах. Но, если они так могущественны, тогда как обычные смертные смогут победить Королеву норнов?..

Его тревожные мысли постепенно потеряли смысл, и он погрузился в сон.

Когда Морган снова проснулся, наступила самая темная часть ночи. Костер едва тлел, и холод стал по-настоящему лютым, он еще теснее прижался к теплому телу Танахайи, и в этот момент ему показалось, что она не особенно отличается от других женщин, рядом с которыми он просыпался с тех пор, как стал мужчиной. Морган придвинулся к ней еще ближе, пока его лицо не зарылось в ее волосы и он не ощутил необычный, чистый аромат ее кожи.

Он вспомнил прикосновение ее прохладных ладоней к своему лицу и как она выглядела, когда купалась в реке, длинные стройные ноги и спину, влажную, блестящую кожу. Морган почувствовал просыпающееся желание, и ему захотелось прижаться к ней еще сильнее. Он обнял Танахайю одной рукой, а когда его губы задели ее шею, положил ладонь на нежный холмик груди.

Через мгновение он оказался на спине, а его рука и запястье горели так, словно их обожгло огнем. Танахайа склонилась над ним, и ее лицо показалось Моргану пугающе решительным в тусклом свете углей костра. Ситхи так сильно загнула его пальцы, что ему показалось: еще немного, и они сломаются.

– Ты что творишь? – резко спросила она.

Несмотря на сильную боль, Морган заметил, что ни одна другая женщина не задавала ему этот вопрос так спокойно.

– Я... я был... просто... я подумал... – Морган настолько удивился неожиданному изменению своего положения, что не мог внятно отвечать на вопросы и лишь лопотал как слабый. – Я хочу сказать, что не хотел...

Жесткое выражение лица Танахайи слегка смягчилось, и она отпустила его руку. Он откатился немного в сторону, сел и принялся растирать запястье, пока боль не начала стихать.

– Должно быть, тебе приснился сон и ты принял меня за кого-то другого.

У Моргана создалось впечатление, что она просто дает ему шанс сохранить лицо.

– Я не знаю...

– Да, – продолжала Танахайа. – Должно быть, так и случилось. Никаких неоправданных вольностей, просто путаница, которая иногда происходит во сне. Давай снова укладываться спать. Возможно, будет лучше, если ты ляжешь ко мне спиной.

Морган так и поступил. Он не понял, как ей удалось настолько быстро схватить и вывернуть его руку, а потом оказаться над ним – будто это был какой-то фокус. Он почувствовал, как она придвинулась к нему. Ее тепло обладало двойственным эффектом.

– Хорошо, – сказала Танахайа. – Так тебе удобно? Ты сможешь снова заснуть?

– Конечно, – солгал Морган.

– Ладно. Тогда постарайся отдохнуть. Тебе понадобятся силы, завтра нам предстоит преодолеть большое расстояние. Но лучше не думай о смертных женщинах, пока я пытаюсь тебя согреть.

– Я... я постараюсь изо всех сил.

– Потому что в любом случае есть кое-кто, кого я люблю.

Пристыженный и разочарованный Морган долго размышлял о том, что произошло, а также о ее последнем заявлении, пока снова не уснул.

Глава 35

Слишком яркие цвета

Не ищи мудрости в войне, написал поэт,

*Смерть приходит ко всем; и, когда вокруг ее все больше,
она приносит лишь пресыщение и печаль.
Слишком громкие звуки, слишком яркие цвета,
чтобы они несли какой-то смысл.
Внезапная смерть – столь же бессмысленный урок,
Как удар чернильным камнем по костяшкам пальцев
Тупого ученика.
Нет, дитя мое,
Не ищи мудрости в войне.*

Печально известные запрещенные строки Шан'и'асу было так же трудно игнорировать, как зловоние смерти, которое их окружало. Вийеки мог лишь озираясь по сторонам и удивляться – почему он не испытывает радости от победы и почему слова стихотворения, которое его наставники называли предательским, звучат у него в голове.

Еще совсем недавно, половину Великого года назад, Война Возвращения закончилась поражением и унижением народа Вийеки. Он и его мастер Яарик вернулись в Наккигу из земель смертных на юге, их преследовали мстительные северяне, и сражения закончились только после того, как рухнула гора, прекратив осаду смертных и похоронив великие городские ворота. Во время бегства и многочисленных стычек Вийеки ощущал если не радость, то нечто вроде триумфа всякий раз, когда хикед'я удавалось отбить очередные атаки врага. Он радовался гибели каждого смертного, ведь тем самым исчезала еще одна угроза.

Но уничтожение Наглимунда произвело на него совсем другое впечатление. Во время отступления хикед'я защищались и пытались вернуться домой. С тех пор смертные ни разу не приближались к их землям: нападение на крепость смертных было в чистом виде актом агрессии, и Вийеки, который никогда бы не заговорил вслух о своих тревогах, считал, что снова злить смертных опасно и глупо со стороны его осажденного народа.

Они с Пратики спустились по склону с отрядом солдат принца-храмовника и въехали на лошадях в ворота еще недавно грозной крепости, стены которой рухнули, превратившись в обгоревшие развалины. Вийеки оставил свою собственную стражу – она ему не требовалась, ведь рядом было полсотни гвардейцев Хамака. Трупы смертных валялись повсюду, возле брешы в стенах и основания сгоревших башен, как оказалось, они не несли особой угрозы для атаковавших крепость норнов.

Генерал Кикити ждал их верхом на лошади внутри ворот, одетый в доспехи из ведьмино дерева, которое было так отполировано, что даже в сумрачном свете испускало ослепительное сияние. За ним, в идеальном порядке, расположилась полурота Жертв.

– Хорошая работа, генерал. – С тем же успехом Пратики мог поздравить Кикити с прекрасно накрытым столом или грамотно спланированным зрелищем. – Каковы наши потери?

– Менее двух десятков Жертв, ваше высочество, но часть из них лишь ранены и вскоре поправятся. Основные потери мы понесли после того, как стрела попала одному из гигантов в глаз и мы утратили над ним контроль. Но все солдаты смертных и большая часть мужчин, живших в городе, убита – более четырехсот человек. Сад нами доволен.

– В самом деле, – сказал Пратики. – Ваши Жертвы отлично поработали. Мать всего сущего будет довольна. Я позабочусь о том, чтобы она узнала, как вы и ваш орден прекрасно себя здесь показали.

– Вы очень добры, ваше высочество, хотя я не заслужил такой высокой оценки за то, что спланировала и приказала сама королева. Именно ей принадлежат все заслуги.

Пратики кивнул.

– Вы сможете сами сказать ей это. Скоро она будет здесь, – сообщил он.

Кикити был явно удивлен, как, впрочем, и Вийеки, который решил, что ослышался.

– Мать всего сущего прибудет *сюда*, ваша светлость? – На лице генерала появилось выражение бесконечного восхищения. – Неужели мы ее увидим?

– Это был не просто бессмысленный удар, направленный против смертных, – сказал Пратики. – А когда Верховный магистр Вийеки закончит свою работу и к нам придет королева, мы, наконец, одержим победу в Войне Возвращения.

Вийеки знал, что ему предстоит сыграть важную роль, но полагал, что всего лишь должен вернуть некий артефакт в Наккигу. Ему и в голову не могло прийти, что королева покинет гору и прибудет в столь удаленное место. Утук'ку оставалась в твердыне в Наккиге в течение всей его жизни.

– Я... удивлен такой честью, – слабым голосом ответил Вийеки. Теперь ему стало совершенно очевидно, что он еще долго не увидит Зои и свой дом, и эта мысль беспокоила его больше, чем он предполагал. – Могу ли я спросить, когда появится Мать всего сущего?

– Об этом знает лишь она сама, Верховный магистр, – ответил Пратики, но в его голосе не было раздражения. – А теперь, генерал Кикити, покажите нам, что еще удалось вашим Жертвам для нас завоевать?

Они проехали через внешнюю крепость. Жертвы и рабы низших каст продолжали уносить тела смертных. Их не будут сжигать, все тела сбрасывали в огромную яму, вырытую в тени южной внешней стены.

– Я рад видеть, что вы получили мое сообщение, – сказал Пратики. – Сожжение тел смертных привело бы к появлению дыма, что позволило бы смертным слишком рано узнать о том, что мы находимся здесь. Я не боюсь ни одной армии смертных, но я бы не хотел давать еще одно сражение до прибытия королевы с другими нашими воинами.

– Да, так даже лучше, – заметил Кикити. – Эти существа пахнут еще более отвратительно, когда их сжигают.

– Вы позаботились о том, чтобы никто из них не сбежал? – спросил Пратики.

Кикити колебался всего несколько мгновений, и это было почти незаметно, но Вийеки не сомневался, что пауза не укрылась от внимания принца-храмовника.

– Мы думаем, что все уничтожены, но я еще не получил последних донесений. У дальней стены крепости мы потеряли несколько Жертв и до сих пор не знаем, что там произошло. Камнебур и несколько его погонщиков убиты рухнувшей стеной.

Казалось, Пратики это не слишком заинтересовало.

– Но вы послали патрули на склон холма и в лес? Мы не хотим, чтобы беженцы начали рассказывать о том, что здесь произошло.

Когда они ехали в сторону разрушенных ворот цитадели, раздался пронзительный крик, сверху рухнуло тело, отчаянно размахивавшее руками и ногами, и приземлилось на камни у основания сторожевой башни с треском упавшего яйца. Через несколько мгновений еще

одного смертного пленника сбросили с бастиона. На этот раз он не кричал, но упал с таким же громким звуком.

– Скоро никого не останется, чтобы рассказывать истории о нас, – с улыбкой и определенным удовлетворением сказал Кикити. – Но вы выглядите расстроенным, магистр Вийеки. Неужели вас тревожит, что враги, укравшие нашу землю, получают заслуженное наказание? На самом деле, кто-то может сказать, что мы вели себя избыточно снисходительно и они умирали слишком быстро, но сейчас для нас важнее всего эффективность, и об удовольствиях следует забыть. Вы со мной согласны, принц-храмовник?

Пратики рассеянно улыбнулся. Казалось, он ничего не имел против криков и падающих тел, но и удовольствия от этого зрелища не получал.

– Они наши кровные враги, – сказал Пратики. – Будь у них возможность, они бы убили королеву и уничтожили весь наш народ. Здесь больше нечего добавить.

Когда они ехали мимо обугленного остова ворот, Вийеки увидел, что сброшенные с башни были не единственными казненными пленниками. Эскадрон Ночных Мотыльков Жертв собрался у ступеней церкви смертных, во всяком случае, Вийеки сделал именно такой вывод по ее архитектуре, хотя главный символ смертных – Дерево – уже убрали с островерхой крыши. Ночные Мотыльки, один из самых свирепых легионов Жертв, собрал целую толпу смертных пленников, – не солдат, а женщин, детей и мужчин, слишком старых, чтобы защищать замок. Их по одному выводили на широкую площадку лестницы, ставили на колени, потом Ночной Мотылек выходил из строя и отрубал ему или ей голову. На глазах у Вийеки женщину, которая стонала и плакала, заставили опуститься на колени, а затем обезглавили. Ее голова покатилась вниз по ступенькам, длинные волосы спутались, и через мгновение она остановилась среди других пленников. Жертвы смеялись и негромко переговаривались. Некоторые обменивались монетами, и Вийеки вдруг понял, что они делают ставки. Ему пришлось на мгновение прикрыть глаза, когда его охватило незнакомое чувство, и он закашлялся, попытавшись скрыть свою слабость.

Они проехали мимо лестницы и направились к главной резиденции, к той части крепости, что была ближайшей к горе, возвышавшейся над Наглимундом. Тут и там Жертвы казнили других пленных, но здесь они не спешили, отрубая конечности и наблюдая, как окровавленные существа пытаются сбежать, потом выводили следующего, чтобы испробовать другие варианты.

– Несомненно, это не самый эффективный метод, – сказал Пратики, и Вийеки показалось, что он впервые слышит неудовольствие в голосе принца-храмовника.

– Да, ваше высочество, так и есть. Но эти Жертвы сейчас свободны. Они развлекаются. Не беспокойтесь, мы уже отобрали женщин, которых отправим в Наккигу для рабских барачков.

Пратики медленно кивнул, не демонстрируя никаких эмоций.

– Да, конечно, – только и сказал он.

Вийеки обнаружил, что его тревожат такие ничем не оправданные пытки.

«Они наши враги, – напомнил он себе. – Если бы у них был шанс, они бы убили нашу королеву и уничтожили весь наш народ. Жалости нет места, когда речь идет о смертных».

Однако ему было совсем непросто скрыть свое смятение.

Несколько самых больших зданий в центре цитадели превратились в развалины, на земле все еще валялись трупы смертных, некоторые в доспехах, но большинство в обычной одежде. Но и эти тела уносили хикедэ'я в черных доспехах. Среди трупов Вийеки видел много женщин. Попадались и дети. Даже те, что выглядели взрослыми и были в боевых доспехах, казались съезжившимися после смерти и не представлялись опасными врагами, а походили на замерзших птиц, которые иногда падали с неба вокруг Наккиги во время неожиданных зимних бурь.

И вновь на память Вийеки пришли строки Шан'и'асу:

Я должен тебя убить, пока ты не убил меня. Это правда. И ты должен убить меня, или я стану твоей смертью. Мы как скорпионы в хрустальном кувшине – чтобы один выжил, другой должен умереть... Но кто создал кувшин? И кто в него нас посадил?

Говорили, что одних лишь этих строк хватило для Дворца-лабиринта, чтобы запретить все книги великого поэта. А вскоре после этого и сам Шан'и'асу исчез. Кое-кто утверждал, что поэт покинул Наккигу, чтобы отыскать лучший мир, о котором так часто писал.

Вийеки думал, что это может быть правдой, но только не в том смысле, какой имели в виду другие.

Когда рота принца-храмовника направилась к дальней части резиденции, Вийеки в первый раз увидел рухнувшую внешнюю стену и огромную массу единственного погибшего камнебура, наполовину засыпанного камнями сторожевой башни. Вокруг него столпились какие-то темные фигуры, и на мгновение Вийеки подумал, что они потревожили стервятников, уже начавших свое пиршество, огромных воздушных змеев или грифов, живущих в этих местах. Потом одна из темных фигур выпрямилась и посмотрела на приближавшихся всадников, и, несмотря на темно-алый капюшон, закрывавший лицо, Вийеки узнал Согейу, Старшую Певчую. Она ждала их приближения с неподвижностью змеи, наблюдающей за ничем не подозревающим животным, которое подходит к ее норе.

Когда их разделяло несколько дюжин шагов, Вийеки внезапно почувствовал, как изменился воздух, он показался ему более плотным и имел вкус молнии. Его кожу стало покалывать, и волосы на затылке зашевелились.

Принц Пратики также это заметил и придержал свою лошадь.

– Запах какой Песни я чувствую? Следует ли нам двигаться дальше, Кикити?

– Старшая Певчая Согейу сказала нам, что они нашли то, что искали, – ответил генерал. – Она ждет нас.

Согейу оставила других Певцов и подошла встретить принца-храмовника. Казалось, она скользит, словно ее ноги не касаются развороченной и политой кровью земли.

– Приветствую тебя, принц-храмовник, кровь нашей великой матери, – сказала она, опускаясь на одно колено. – Да живет Хамака вечно. И пусть змеи всегда нас охраняют.

Пратики кивнул.

– Благодарю за приветствие, Старшая Певчая. Генерал Кикити сказал мне, что вы успешно выполнили свою задачу.

Согейу отбросила капюшон. Ее лицо и выбритую голову украшали маленькие аккуратные руны коричневого цвета, которые, догадался Вийеки, нанесены высохшей кровью.

– Так и есть, ваша светлость. Я вижу, что с вами Верховный магистр Строителей. – Она кивнула Вийеки и сделала знак верности, но в ее глазах он увидел нечто неприятное. – Это хорошо, потому что мы нашли склеп Руяна.

Вийеки постарался не думать о неприятных картинах, которые только что видел.

– Это то место, где стоят на коленях ваши Певцы?

Земля здесь была плотно утоптана, но до заморозков оставалось не меньше месяца, а дождь сделал свое дело. Вести здесь раскопки будет не слишком сложно или трудно.

Согейу покачала головой:

– Нет, магистр Вийеки, не совсем так. На самом деле склеп находится глубоко под зданием и заключен в каменную оболочку. Базальтовые блоки – так я думаю, если судить по эху наших песен... но мне и в голову не пришло бы давать указания в этой области человеку с вашим опытом и знаниями. – На ее лице не появилось насмешливой улыбки, но у Вийеки сложилось впечатление, что она над ним потешается.

Ему не нравилась Согейу и не нравилась предстоящая работа. Тем не менее сейчас было совсем не то время, чтобы даже Верховному магистру ставить под сомнение приказы королевы.

– Вы сказали «глубоко», Старшая Певчая. Насколько глубоко?

– И вновь я не стану претендовать, что обладаю вашими знаниями, – ответила Согейу, – но я бы предположила, что около двадцати локтей камня разделяют поверхность и спрятанный под землей склеп.

– У вас сотня Строителей, магистр Вийеки, – сказал Пратики. – Несомненно, они сумеют без особых проблем добраться до такой глубины. И они должны, ведь к нам прибудет сама королева.

Неожиданно Вийеки почувствовал, как его сковал холод.

– Наш орден способен выполнить любое пожелание королевы, – сказал Вийеки. – Но количество и время всегда являются ограничивающими факторами, ваша светлость. Выше численность, меньше времени. Я полагаю, что мы справимся, но не раньше, чем потускнеет Луна Небесных Певцов.

– Это неприемлемо! – заявил генерал Кикити, даже не пытаясь скрыть гнев. – Мать всего сущего будет здесь через несколько дней. Вы предлагаете нам попросить ее подождать, пока ваши Строители будут слоняться без дела?

– Для перемещения огромного веса камня и почвы даже Ордену Песни потребуется немалое время и усилия, – сказал Вийеки, стараясь сохранять хладнокровие. – А громадные камнебуры – слишком неуклюжий инструмент для столь деликатной и важной работы. Вы можете передать мне ваших Молотобойцев, генерал, – это ускорит разрушение скалы. И, возможно, остальных солдат, да и ваши Певцы, Старшая Певчая, – могут помочь выносить обломки камня и землю, пока мои люди будут копать. Поймите, это земля, а не сплошной камень. Любые туннели необходимо укреплять опорами, иначе они обрушатся, и все придется начинать сначала. Не говоря уже о том, что многие Строители погибнут.

– Ну, так и пусть погибнут, – сказал Кикити. – Они живут, чтобы служить королеве, разве не так?

– Вы дадите мне ваших Жертв, чтобы они оказали нам помощь, генерал?

Кикити уже с трудом сдерживался.

– Жертвы – воины, а не... *грызуны*. Они обучены сражаться, а не копать. Наше присутствие здесь может быть обнаружено в любой момент, и тогда смертные нас атакуют. Кто будет сражаться, если легионы Жертв окажутся под землей?

– Действительно, кто? – повторил Вийеки. Ему удалось вывести из себя Кикити, что уже само по себе было небольшой победой, и это позволило ему сделать кое-что еще – то, о чем он думал с того момента, как вошел в покоренную крепость. Он повернулся к Пратики. – В таком случае я должен использовать рабов, ваша светлость. Смертных рабов. Тех, кто еще остался в живых, следует привести сюда, чтобы они помогали Строителям, если мы хотим добраться до склепа до того, как прибудет королева.

Принц-храмовник поджал губы и задумался, но Кикити продолжал сражаться с неприкрытой яростью.

– Для меня не имеет значения, что вы Верховный магистр своего ордена, лорд Вийеки, – это война, и рабы принадлежат Жертвам! Мы должны поступать с ними как прикажет королева, и никто другой. Вы не можете говорить мне, что следует с ними делать.

– Я говорю лишь о том, что необходимо для выполнения желаний королевы, генерал. На каждого строителя, долбящего камень, мне потребуется два помощника, которые будут уносить обломки. – Он снова повернулся к Пратики. – Но я думаю, что наш уважаемый генерал ошибается, ваша светлость, во всяком случае частично. Я подозреваю, что королева не стала бы посылать сюда члена своей семьи, если бы не хотела, чтобы все прошло быстро и гладко и до ее появления. Разве не так?

Согейу неожиданно поклонилась.

– Этот разговор не касается меня и моих Певцов. Мы еще меньше подходим для тяжелой физической работы, чем Жертвы Кикити. Прошу меня простить, ваша светлость, но мне нужно вернуться к моему ордену.

Пратики кивнул. Согейу повернулась и направилась к своим подчиненным в темных одеяниях, стоявшим на коленях и образовавшим круг, но успела бросить на Кикити быстрый взгляд, смысл которого Вийеки разгадать не смог, однако уловил раздражение на ее лице.

«Что бы ни решил Пратики, – подумал Вийеки, – если я сумею вызвать несогласие между своими врагами, значит, мне удастся сделать хотя бы одну полезную вещь за сегодняшний день».

– Давайте мы с вами немного отъедем, пока я думаю, – предложил Вийеки принц-храмовник. – Генерал, королева и Хамака довольны вами. Мать всего сущего гордится вашими Жертвами.

– Благодарю вас, ваше высочество, – сказал Кикити.

Пратики направил лошадь к дальней стене и отъехал на пару дюжин шагов от трупам камнебура. От него пахло не как от обычных мертвых существ, но окутывала густая, едкая вонь с металлическим привкусом.

Принц-храмовник посмотрел на громадное, покрытое грязью чудовище.

– Оно огромно, но все же что-то способно его убить, – сказал Пратики.

Вийеки почувствовал, что ответ не требуется. Он ждал, пока принц-храмовник размышлял о мертвом существе.

– Вам не следует создавать несогласие между орденами, Верховный магистр, – наконец сказал Пратики. – Это меня не порадует и совершенно определенно не доставит удовольствия королеве.

– Я приношу свои извинения, если несогласие возникло по моей вине, ваше высочество. Но у меня не было такого намерения.

– Ну, я в этом не уверен. И при других обстоятельствах не стал бы вас винить – Жертвы и Певцы давно ставят себя в привилегированное положение по отношению к другим орденам, и иногда с их высокомерием бывает трудно мириться. Но, хотя я и не согласен с вашими методами, вывод мне кажется правильным – мы ничего не выиграем, если убьем остальных пленных, когда нам нужны работники. Я прикажу Кикити собрать рабов, которые еще живы. Но ответственность за них я возлагаю на вас, Верховный магистр. Если они вам нужны, вы должны будете их кормить и следить, чтобы они оставались живыми и трудоспособными. Вы меня поняли?

– Конечно, ваше высочество. – Однако Вийеки знал, что перешел черту не только с Пратики и Кикити, но в своем собственном сердце. Пройдет много времени, прежде чем он сможет увидеть результаты своих сегодняшних действий. – Я слышу королеву в вашем голосе.

– Очень скоро вы услышите собственный голос королевы из уст Матери всего сущего. – Лицо Пратики снова стало похожим на непроницаемые маски, которые носили Старейшие.

Вийеки почувствовал внезапный страх от затеянной им игры, ведь он намерен использовать смертных рабов для решения вопроса, так интересующего королеву, – и пленники могут попытаться разрушить ее планы ценой собственной жизни. А он подверг себя опасности из-за того, что на миг пожалел несчастных страдающих существ – смертных людей, животных, которые хотели уничтожить его народ.

– Я вижу, что ваши мысли и внимание заняты чем-то посторонним, Вийеки сей-Эндуйа, – сурово сказал принц-храмовник. – Но я требую, чтобы вы выслушали меня очень внимательно. Если Утук'ку будет недовольна тем, что вы здесь сделаете, – тогда да сохранит вас Сад, потому что больше вам ничего не поможет.

– Почему я должен идти? – Ярнульф понимал, что отказываться не следует, но ему совсем не хотелось, чтобы Саомеджи провел его через весь лагерь хикеда'я.

– Потому что во время нашего путешествия в восточные горы ты удивлялся, почему мне доверена такая честь, – ответил Певец, и его необычные золотые глаза загорелись от яростной радости. – Почему столь молодого Певца, как я, выбрали для великой миссии королевы. Теперь ты все сам увидишь и поймешь.

– Ты неправильно понял мои мысли, – только и ответил Ярнульф, но с тем же успехом мог беседовать с ветром, который разгуливал среди горных хребтов.

Саомеджи продолжал, словно Ярнульф не произнес ни слова:

– Да, ты увидишь, смертный. Я доставил Мако сюда в надежде, что мой господин сможет сделать нечто великое с его разрушенным телом. И теперь ты увидишь!

Еще сильнее, чем прежде, Ярнульфу захотелось раз и навсегда избавиться от норнов, их странных честолюбивых стремлений и предательских распрей.

«Но мой Господь поручил мне священную миссию, – напомнил себе Ярнульф. – И я не только почти наверняка погибну после ее выполнения, но мою жизнь заберут именно эти хикеда'я, когда я добьюсь успеха».

И он постарался смириться с неизбежным, вручив себя в руки Господа.

– Скоро королева будет здесь, – сказал Саомеджи. – Сама Утук'ку, да прославится ее имя, увидит, что я сделал. Она узрит, *что* я помог для нее создать!

Наступила середина ночи, и в лагере в основном царил тишина. Хикеда'я редко спят, но когда им нечего делать – а сейчас, насколько стало известно Ярнульфу, им оставалось лишь ждать своего монарха, – они замолкали и переставали двигаться. Лишь несколько часовых безмолвно наблюдали, как Саомеджи ведет его к краю лагеря.

Ахенаби, лорд Песни, стоял рядом с тремя своими слугами в капюшонах, которые раскапывали яму, где похоронили Мако. Ярнульф старался не подходить близко к этому месту в течение трех дней, прошедших с того момента, как они запеленали тело командира и оставили его под землей, и изо всех сил пытаясь о нем не думать, но складывалось впечатление, что больше он не сможет держаться в стороне от жутких плодов их трудов.

– Не подходи ближе, – прошептал Саомеджи, хотя в предупреждении не было нужды; как только Певцы начали копать, наружу вырвалось такое зловоние, что Ярнульф почувствовал позыв к рвоте. Отчетливая вонь разложения мешалась с другими, совсем неожиданными запахами – резкого, соленого, соды, розовых лепестков и мочи.

Довольно скоро они добрались до тела, завернутого в саван, покрытый грязью и плесенью, и положили его на край ямы. Ахенаби, молча наблюдавший за ними, сделал короткий жест, и один из Певцов развернул голову Мако.

Сначала Ярнульф подумал, что с лицом командира случилось нечто ужасное. Вместо того чтобы полностью исцелиться или получить магический дар медленного выздоровления, командир хикеда'я выглядел мертвее некуда. Его рот все еще оставался зашитым, а кожа стала жуткой, серой и морщинистой, точно шкура безволосого кабана или южного кокиндрилла.

Неожиданно единственный глаз Мако открылся. Он больше не был темным, как у всех хикеда'я, но стал ярким, янтарного цвета, похожим на птичий. Ярнульф ахнул от удивления и сделал шаг назад.

– Разве я не говорил? – прошептал Саомеджи, довольный, как ребенок в День святого Таната.

– Поставьте его на ноги, – приказал Ахенаби. – Разрежьте нити, стягивающие рот.

Мако поставили на ноги; он раскачивался, точно дерево под порывами сильного ветра, и его поддерживали сразу двое Певцов. Третий достал нож, схватил кожистую серую щеку Мако, чтобы удерживать голову на месте, и быстро перерезал нити. Рот вождя открылся, и раздавленная трава сползла на подбородок. Оранжевый глаз отчаянно метался из стороны в сторону, словно пришедший в себя Мако пытался понять, где он находится и кто его окружает, но взгляд нигде не задерживался даже на миг.

– Некоторое время он не сможет говорить, – сказал Ахенаби. – Но он уже понимает мои слова, скоро к нему вернуться прежние силы, и даже больше – его мощь намного превзойдет все то, чем он владел раньше. Он понесет ужас и разрушение врагам королевы.

– Мой господин истинно велик! – воскликнул Саомеджи, радостно хлопая в ладоши.

Ярнульф повернулся и побрел прочь, не в силах выдержать взгляда желтого глаза Мако.

«Помоги мне уничтожить эту мерзость, мой благословенный Господь, – молился он снова и снова, изо всех сил сопротивляясь позыву к рвоте. – Позволь мне быть твоей сильной правой рукой. Позволь стать очищающим огнем».

Когда ее вернули в темную камеру, Зои села на пол и постаралась не плакать, но ей никак не удавалось справиться с отчаянной дрожью. Руки у нее тряслись так сильно, что ей пришлось переплести пальцы и положить их на колени. Она знала, что ей следует молиться, знала, что должна благодарить богов за то, что ей удалось сохранить глаза, – Эйдона, Грозу Травы и всех остальных, но сейчас ей хотелось только одного: чтобы у нее перестали дрожать руки.

Все едва не закончилось самым кошмарным образом. За столько лет жизни в полумраке, в заточении под горами камней, точно она уже умерла, ей довелось видеть солнце всего несколько раз в году, но мысль об утрате зрения приводила Зои в ужас. Когда она услышала эти страшные слова, ее кости едва не обратились в воду, и она с огромным трудом сумела не упасть на колени на каменный пол и не начать молить о пощаде Верховную Затворницу. Но за двадцать лет, проведенных пленницей в Наккиге, Зои многому научилась и прекрасно знала, что слезы для хикедая ничего не значат. Они относились к ним как к одной из странностей смертных, вроде звуков, которые издают животные. Даже Вийеки, самого доброго из всех хикедая, которых она встречала, никогда не трогали ее слезы, хотя он старался не сердиться на нее, когда она не выдерживала и начинала плакать.

Зои знала, хотя страх сжимал ее сердце неумолимыми пальцами, что Верховная Затворница не испытает жалости к смятенной рабыне, поэтому решила использовать свой ум.

– Но, пожалуйста, Верховная Затворница, – сказала Зои, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно и уважительно, хотя происходящее казалось ей полным безумием. – Если я лишусь зрения, то стану бесполезной для Матери всего сущего.

Женщина в серой маске посмотрела на нее.

– Почему ты так говоришь, смертная?

– Потому что искусство, которому я обучена, требует сбора лекарственных и других растений. Перед приготовлением их следует найти. Если я лишусь глаз, то от меня не будет никакого проку.

– Но с этим вполне справятся Жертвы и слуги.

Зои попыталась заставить свой голос звучать спокойно и уверенно, хотя ей казалось, что она не может вдохнуть достаточно воздуха, чтобы заставить сердце биться.

– Я не смогу научить кого-то за одну смену луны вещам, которые сама осваивала долгие годы. Неужели вы готовы подвергнуть опасности здоровье королевы из-за того, что какой-то

солдат не сумеет распознать разницу между репейником и таволгой? В период цветений они очень похожи. – В голове у нее метались и кричали мысли, отвлекая ее, точно птицы, пытающиеся выбраться из горящей рощи, но Зои постаралась подавить ужас и вспомнить то, чему ее учила валада Росква. – Древесный репейник снимает тяжесть в груди и облегчает дыхание. А таволга – нет, она даже может затруднить дыхание. – Зои отчаянно боролась со словами, которые пытались вырваться из-под ее контроля, утратить всякий смысл. – Пожалуйста, Верховная Затворница, позвольте мне сохранить глаза, чтобы я всеми силами служила королеве.

Каменная маска еще некоторое время изучала ее, потом глаза Затворницы закрылись. Сначала Зои подумала, что жрица королевы просто собирает силы, чтобы отдать приказ ждавшим за дверью стражникам увести ее, но потом поняла, что Затворница ведет безмолвный разговор с самой королевой.

Наконец Темные глаза открылись, но сама Затворница оставалась неподвижной, как статуя.

– Это позволено, – сказала она. – Но тебе станут завязывать глаза и надевать капюшон в присутствии королевы. Если ты нарушишь это правило, тебя ждет жестокое наказание. И, если Мать всего сущего будет хотя бы в какой-то степени недовольна твоим уходом, тебя отправят в Холодные медленные залы. Таково Ее решение и Ее слова, так и произойдет, и я как Верховная Затворница тому свидетель.

Наконец Зои удалось немного успокоиться в темной камере, куда ее посадили, отыскала тонкий соломенный матрас, немного влажный, но вполне терпимый на ощупь.

– Сначала очень страшно, – услышала она тихий голос.

Зои думала, что она одна, и сердце у нее так сильно затрепетало от страха, что ей показалось, будто оно ударилось о грудную кость.

– Не бойся. – Голос был женским, и, хотя незнакомка прекрасно говорила на языке хикедэ'я, он показался Зои необычным. – Я, как и ты, смертная. Вот почему тебя посадили ко мне в комнату.

– К тебе в комнату? – Зои все еще чувствовала, как сердце колотится у нее в груди, точно барабан. – Я не знала. Я не хотела вторгаться...

– Не извиняйся. Я рада, что у меня будет компания. Могу я подойти ближе? Я не причиню тебе вреда.

Зои услышала шорох тихих шагов, и через мгновение кто-то присел на матрас рядом с ней.

– Меня зовут Вордис. А кто ты?

– Зои.

– Это имя хикедэ'я, но ты не принадлежишь к их народу.

– Мой... мой хозяин дал мне его. Ты действительно смертная? Как я?

Вордис рассмеялась, и Зои показалось, что она еще очень молодая. Она никак не ожидала, что когда-нибудь снова услышит смех, и это ее подбодрило. Незнакомка взяла руку Зои прохладными пальцами, легко сжала ее и сразу отпустила.

– Могу я коснуться твоего лица? – спросила Вордис.

Ее вопрос немного удивил Зои, но она уже ощущала запах другой женщины, кожи и чистых волос, и кислый – одежды, которую следовало постирать.

– Ты можешь, – ответила Зои.

– Я хочу тебя увидеть. – Зои почувствовала, как маленькие руки коснулись ее щек. Пальцы нежно двигались по скулам, легкие, словно ветерок, прошли по бровям, лбу, носу и губам.

– Ты хорошенькая, – сказала та, что назвала себя Вордис, и снова взяла Зои за руку. – Ты можешь использовать свои руки, чтобы посмотреть на меня.

Зои так и сделала, но смогла понять лишь одно: Вордис еще не старая женщина – ее кожа была упругой, а скулы – гладкими. Возможно, такого же возраста, что и она сама, и наверняка не старше. Зои прикоснулась к глазам Вордис под тонкими шелковистыми веками, но не обнаружила шрамов или еще каких-то следов. Почему ее не ослепила Затворница?

– Как ты сюда попала?

Вордис снова рассмеялась.

– Я плохо помню, но мне кажется, очень давно. Моя мать служила в доме клана Янсу. Когда я была очень маленькой, одна из женщин хикедэ'я взяла меня на руки и понесла к матери, ей не понравилось, что я гуляла по дому. Пока мы шли, я вдруг поняла – почувствовала руками, – что у нее внутри растет что-то уродливое и болезненное. Я рассказала матери, а та поделилась со своей госпожой. И я оказалась права, хотя изменить уже ничего было нельзя, и та женщина хикедэ'я, внутри которой выросло что-то плохое, умерла через несколько месяцев. А потом хикедэ'я обнаружили, что я могу... ну, вроде как «видеть» вещи, недоступные никому другому.

– Ты целительница.

– Нет, я не способна никого исцелить, – печально сказала Вордис. – Я могу только почувствовать, если что-то не так, и часто знаю, где именно и насколько все плохо. Я все еще была ребенком, когда меня привели сюда, во дворец, и я стала одной из Затворниц королевы. Ты вторая смертная, попавшая в эти залы. Я рада. Здесь... иногда очень одиноко.

– Но твои глаза... тебе сохранили глаза. – Мысль о том, что ее могли ослепить и она совсем недавно этого избежала, все еще приводила Зои в ужас.

На сей раз смех женщины был не таким веселым.

– Да, потому что от моих глаз нет никакой пользы. Я родилась слепой. Возможно, именно по этой причине я способна чувствовать вещи, недоступные другим.

– И ты действительно прислуживаешь самой королеве? – спросила Зои.

– Конечно. Во всей Наккиге нет более важной задачи. Ты должна гордиться. – Но что-то в ее голосе, какая-то незаметная непозволительная нотка заставила Зои задуматься.

– И чем ты занимаешься? И что буду делать я? У королевы хорошее здоровье?

– О, да, – ответила Вордис. – Королева сильна. С ней все хорошо. – Но, когда Вордис произносила эти слова, она сжала руку Зои, – очень сильно.

Ее послание не оставляло сомнений. *То, что я сказала, ложь.*

– Хорошо, – сказала Зои, стараясь скрыть удивление. – Я рада. Мы обязаны ей жизнью, и это делает мою работу проще. – Она надолго погрузилась в размышления. – А наша комната... мы здесь одни?

– Другие Затворницы имеют собственные покои, у каждой свои. Но мы смертные – как странно произносить «мы»! – На мгновение у Вордис перехватило дыхание от волнения. – Мы живем отдельно.

– А кто-то нас слушает? Мы можем говорить здесь свободно?

– О, конечно, – небрежно сказала Вордис, но вновь ее рука сильно сжала пальцы Зои. – Кому интересна болтовня двух смертных женщин?

Определять ход времени в лишенном света месте, где их держали, было почти невозможно, но к ним четыре раза приходили стражники, приносили еду и чистый ночной горшок, они с Вордис два раза спали, и Зои решила, что прошло два дня с тех пор, как ее сюда привели. Все это время они с Вордис негромко разговаривали, стараясь не произносить слов, которые вызвали бы тревогу у тех, кто мог их слушать. Вордис постоянно задавала печальные вопросы о Наккиге, и Зои поняла: то, что ей самой казалось бесконечным, тягостным заключением, было мечтой о свободе для слепой женщины. Зои рассказывала о себе очень выборочно и ничего не говорила о временах до жизни в Риммерсгарде с Асталинскими сестрами, ведь хикедая уже об этом знали; и ни разу не упомянула о детстве в Кванитупуле с отцом, матерью и братом и ужасных годах, проведенных в лагере деда среди Высоких тритингов.

В свою очередь, Вордис рассказывала ей осторожные истории о своей жизни среди Затворниц, хотя она находилась отдельно от остальных и потому могла говорить лишь о том, как бывала с ними у королевы. Так и не произнесенные вслух слова о необходимости соблюдать осторожность означали, что Зои не удастся узнать ничего, кроме того, чего от нее ждут ее новые хозяева.

Зои приготовилась к смерти, точнее, думала, что готова. Теперь же ей предстояло принять то, что придется до конца своих дней жить в темной комнате – мрачная перспектива, даже с милой соседкой. Таким образом, когда стражники принесли пятую трапезу и молча наблюдали, как они едят свои скоромные порции, Зои почувствовала возбуждение, которое почти, но не до конца, преодолело опасения. Когда стражники молча показали, чтобы они следовали за ними, и Вордис взяла ее за руку, ноги Зои дрожали, как у новорожденного олененка.

Их повели по коридорам, освещенным лишь редкими факелами, но даже тусклый свет казался Зои ослепительным после дней, проведенных в темноте. Коридоры не были грубыми туннелями, но казались частью огромного дворца – плоские, ровные полы, стены и потолки из идеально обработанного камня, гладкого, словно шелк.

Стражники остановились возле двери, где стояли другие воины, и через мгновение завели их в помещение, где царила абсолютная темнота. Вордис сжала запястье Зои.

– Позволь мне вести тебя, – сказала она. – Перед нами ступеньки – довольно крутые.

Они спускались вниз, пока Зои не услышала плеск воды и глухое бормотание голосов. Ей навстречу поднимался влажный теплый воздух, запах мокрого камня и другие, более сложные ароматы. В самом низу на треноге в нише стояла единственная сфера нийо, сиявшая, словно первая звезда вечера, и Зои смогла разглядеть в ее свете обнаженные женские тела.

– Мы здесь моемся, а потом ждем Мать всего сущего, – прошептала Вордис. – Смертные и бессмертные, вместе. Для королевы все должны быть чистыми.

Пока глаза Зои привыкали к новому освещению, она с ужасом увидела у других Затворниц черные дыры на месте глаз. Бессмертные обладали красотой молодости, и их лица оставались спокойными – некоторые разговаривали или пели тихими задумчивыми голосами – но пустые глазницы создавали впечатление, будто помещение заполнено живыми черепами.

Зои повернулась к Вордис, размышляя о том, что она увидит, но ее спутница оказалась такой, какой Зои ее представляла, все еще в возрасте деторождения, с хрупкой девичьей фигуркой и хорошеньким круглым лицом. Глаза Вордис были устремлены в пустоту, но, по сравнению с остальными Затворницами, она выглядела как самая обычная девушка.

– Мы купаемся в трех бассейнах по очереди, в одном за другим, – сказала Вордис. – Сначала сними одежду.

Зои едва успела снять одежду, которую носила столько дней, что и сосчитать не могла, как другая женщина хикедая, одетая в темные цвета служанки, быстро ее унесла. Больше Зои ее никогда не видела. Затем Вордис помогла ей пройти процедуру мытья, сначала в такой горячей воде, что на лбу у Зои выступила испарина, потом в теплой с розовыми лепестками и, наконец,

в прохладном бассейне. Когда они с Вордис вышли из него и стояли рядом, слегка дрожа, другая служанка принесла им свободные белые одеяния.

– Теперь мы уйдем отсюда. И будем молиться, – прошептала Вордис.

Дверь с другой стороны каменного зала бесшумно открылась, и Затворницы, одетые в белые одеяния, прошли внутрь. С другой стороны их поджидала жрица хикедая, и, пока она напевала слова какого-то древнего ритуала, появилось множество слуг, которые вручили каждой Затворнице маску, скрывавшую глаза, Зои уже видела такие. К ней подошел слуга и нетерпеливыми жестами показал, что ей следует опустить руки вдоль тела. Когда она повиновалась, хикедая завязал ей лицо тканью – и она снова погрузилась в темноту, – а потом надел на голову капюшон и закрепил тяжелую маску на лице.

– Сегодня ты будешь лишь находиться в присутствии королевы, – прошептала Вордис. – Ничего не говори, что бы ты ни почувствовала или услышала. Я все тебе объясню, когда мы вернемся домой.

Домой. Слово прогрохотало, как упавшая ложка, проникнув в грудь Зои. Она не могла бы словами выразить благодарность Вордис, но мысль о том, что лишенная света каменная коробка будет ее домом, заставила Зои ощутить такую сильную боль, что она не сумела бы произнести ни звука, даже если бы захотела.

Следующий час прошел, превратившись в пустое черное пятно. Их отвели в следующее помещение, и Зои слышала шелест одеяний других Затворниц, опустившихся на колени; Вордис тихонько надавила на ее руку, показывая, что и ей следует преклонить колени. Зои не сомневалась, что в этой комнате их ждала королева – она ощутила присутствие Утук'ку, точно кто-то распахнул окно в холодный день, и ее начал бить озноб. Она подумала о серебряной маске и лишенной возраста тайне, что пряталась под ней – самое древнее живое существо во всем мире, – и ей снова стало трудно дышать. Ее кожу покалывало, и она пошевелилась, как будто собиралась сбежать. Возможно, Вордис что-то почувствовала, потому что стиснула ее руку, но потом отодвинулась в сторону, оставив Зои стоять одну, окруженную мраком капюшона.

Из дальней части комнаты воспарил голос. Кто-то пел – мужчина. Зои никогда не слышала этой песни, и слова на языке хикедая понимала лишь выборочно. Странно, но после долгой тишины казалось, будто звук не потревожил ни одну из других Затворниц; они все еще занимались своим невидимым делом, пока Зои стояла, стараясь не упасть, но тут вернулась Вордис и сжала ее руки, чтобы поддержать. Голос певца не прерывался, эхом отражаясь от каменных стен комнаты, и мелодия показалась Зои печальной, как трели соловья.

Безразличие королевы и ее Затворниц к присутствию певца удивило Зои, которая поразились еще больше, когда поняла, что певец не слишком хорош, во всяком случае по стандартам, которые она узнала, пока жила в Наккиге. Голос был юным и сладким, но ей казалось, что певец допускает ошибки, заметные даже ей – нехватка дыхания здесь, неразборчивый звук там, а один или два раза он не сумел выдержать ноту. Зои знала совсем немного о музыке хикедая, но не могла поверить, что могущественная королева не имела возможности обеспечить себе более качественные развлечения. Она слышала лучших артистов, выступавших на фестивальных празднествах, которые устраивала жена Вийеки, леди Кимабу.

Наконец воцарилась долгая тишина, все Затворницы продолжали сохранять неподвижность, и Зои почувствовала, что присутствие королевы стало отступать, а потом и вовсе исчезло, словно окно в суровую зиму закрылось. Женщин повели обратно в каменное помещение, где они снова искупались в обратном порядке – от холодной воды к горячей. У Зои появилось множество вопросов, но всякий раз, когда она пыталась заговорить, Вордис сжимала ее руку, заставляя хранить молчание.

Когда они, наконец, оказались в своей камере, в темноте, но не в одиночестве, Зои попыталась найти безопасные слова, чтобы спросить о том, что удивило ее больше всего.

– Певец, – заговорила Зои. – Он не показался мне... таким искусным, как я ожидала.

– Он прекрасно обучен. – В голосе Вордис появились мрачные нотки.

– В самом деле? Быть может, я не так хорошо разбираюсь в хикеда'я, как думала раньше...

– Он пел любимую песню Друкхи.

Зои потребовалось несколько мгновений, чтобы понять.

– Друкхи, сына королевы? Того, кого много лет назад убили смертные?

– Певец пел так, как Друкхи для своей матери, когда был маленьким, – объяснила Вордис, тщательно подбирая слова. – Он научился от другого певца, который исполнял ее до него, а тот у предыдущего, и так далее. Это третий певец-Друкхи с тех пор, как я сюда попала, но мне рассказали, что их было очень, очень много за прошедшие годы. Дюжины. И все произносили каждую ноту, слово и интонацию идеально, чтобы петь для королевы в точности как когда-то ее сын.

Зои настолько встревожило объяснение, что она даже забыла про другие вопросы. Наконец Вордис улеглась рядом с ней, и вскоре ее дыхание стало ровным, но Зои еще долго лежала без сна, и в ушах у нее звучала навязчивая неидеальная песня, но потом и она погрузилась в сон.

Глава 36

Штормовые ветра

Мириамель никогда не нравился Зал Доминиата, построенный во время Первого Имперума, но, как и большинство общественных зданий, он не должен был создавать комфортную обстановку для тех, кто в него входил, или вызывать гражданскую гордость, но заставить испытать благоговение перед величием власти Наббана. Пока Мириамель ждала начала церемонии, она вдруг ощутила тоску по Большому залу в Хейхолте, месту, где, несмотря на размеры, человек чувствовал себя дома, развевающиеся знамена находились так близко, что ты почти мог до них дотянуться, а стены украшали портреты людей, настоящих людей, чьи лица рассказывали историю их жизни.

Крыша Доминиата была невозможно высокой, поднимаясь к пику высотой в тридцать или сорок локтей над мраморными полами, потолки украшали религиозные картины, находившиеся слишком далеко, чтобы рассмотреть подробности, словно напоминание обычным людям – впрочем, они крайне редко попадали в этот зал, – что они не могут сюда войти или даже понять высоких размышлений могущественных особ.

Колонны из великолепного мрамора, привезенного из Арча, шли вдоль двух длинных сторон, с большим запасом обеспечивая место для Пятидесяти правящих семей Наббана, чтобы они могли собраться и обсудить самые важные события, что они и делали в течение столетий. Мири сидела в конце зала в огромном кресле, когда-то предназначенном для самого императора, но уже в течение многих лет служившем любому значительному гостю, вроде герцога Салюсера, когда он приходил, чтобы выступить (или, еще чаще, выслушать лекцию Патриси – «Отцов» – глав самых могущественных семейных домов Наббана).

По правую руку от Мириамель сидели сторонники герцога Салюсера, по другую – коалиция Далло Ингадариса, ну а те, кто не сделал никого выбора, занимали центр. Мири видела, что тех, кто не поддерживал Короля-Рыбака или Буревестника, стало совсем немного – большая часть Доминиата выбрала ту или иную сторону.

На столе перед ней лежал церемониальный свиток нового Договора Окандера, результат работы клерков и адвокатов всех больших домов, написанный идеально красивыми буквами лучшими писцами Наббана. В конце документа стояла печать и подпись его святейшества, Ликтора Видиана, который – после огромных усилий королевы – наконец согласился поставить свое имя под историческим пактом, чтобы положить начало мира, как рассчитывала Мириамель, по меньшей мере на одно поколение между ведущими домами Доминиата, и прежде всего Бенедривинами и Ингадарисами. Хотя Видиан отклонил предложение принять участие в совете, он прислал эскритора Ауксиса, поручив ему призвать всех к единению и стать свидетелем подписания договора.

Но Ауксис выглядел несчастным, и даже Далло Ингадарис, сидевший на одном из двух почетных мест слева от Мири, казалось, утратил часть своего обычного самодовольства. В полдень зазвонил колокол, и во всем зале Патриси зашаркали ногами и принялись перешептываться, наклоняясь друг к другу.

– Ваше величество, несомненно, вы должны быть недовольны подобным проявлением неуважения, – громко заговорил граф Далло. – Мы все собрались. Договор ждет нас. Но где герцог?

– Я не знаю, милорд, – сказала она. – И, да, меня не радует его отсутствие, но я также испытываю беспокойство. Кроме того, я не могу не заметить, что вашего союзника, брата герцога, здесь также нет.

Невозмутимый взгляд Далло получился не слишком убедительным.

– Так и есть, но едва ли это существенно, ваше величество. Друсис не подписывает договор со стороны Дома Ингадарис – это должен сделать я, а я здесь. Но создается впечатление, что герцог Салюсер считает данную церемонию и присутствие всего Доминиата, а также эскритора Ауксиса – я уже не говорю о вашем королевском величестве – недостойным его времени.

Мири бросила на него холодный взгляд.

– А теперь вы придираетесь к мелочам, граф Далло. Да, Друсис не является главой Дома Ингадарис, но именно соперничество между ним и его братом Салюсером является причиной, по которой нам приходится подписывать договор. Именно роль Друсиса, поддерживающего вас, – и ваша, поддерживающего его, – против его брата и крови, привели к несчастному положению в стране, сделавшему Наббан опасным местом.

Далло помахал толстыми пальцами.

– Как скажете, ваше величество.

Он носил кольца на всех пальцах, кроме большого, а на некоторых два или даже три. Иногда у Мири возникал вопрос: как он умудряется вытирать зад, не опасаясь потерять одно из дорогих колец?

«Должно быть, – подумала она, – это делает кто-то из слуг».

– Вы улыбаетесь, моя королева, – сказал Далло. – Вы обнаружили нечто забавное в нынешней ситуации? Должен признаться, мне это не удастся. Быть может, вы поделитесь своими мыслями с вашим покорным слугой?

– Так, случайная идея. – Мириамель увидела, что эскритор поднялся со своего места и направляется к ним.

В своих тяжелых одеяниях, слегка развевающейся золотой мантии, он выглядел как королевский корабль казначейства, который спускают на воду со стапелей.

– Прошу прощения, ваше величество, – тихо сказал эскритор. Все члены Доминиата внимательно следили за разговором, не столько в надежде узнать что-то новое – все видели, что герцог отсутствует – но из-за скуки, ведь им пришлось довольно долго ждать, а уйти они не могли, и теперь их привлекало любое разнообразие. – Я пришел, чтобы сотворить молитву, как вы знаете. Вы получили какие-нибудь известия от герцога? Он придет?

– Если только новость о нем не доставила мне крошечная муха, эскритор Ауксис. Полагаю, вы бы увидели, как я ее получаю, ведь я сидела на этом месте у всех на виду задолго до того, как прозвучал полуденный колокол.

Ауксис слегка покраснел, а Мири осталась недовольна собой. Сейчас не было никакого смысла создавать себе врагов – у нее и без того хватало их в Наббане.

– Я прошу прощения за глупый вопрос, ваше величество, – сказал Ауксис.

– Нет, это мне следует попросить у вас прощения, эскритор, за свой дурной характер. Как и все здесь присутствующие, я встревожена и обеспокоена отсутствием герцога. – Мириамель повернулась к сторонникам Короля-Рыбака и отыскала Идекса Клавеса, лорд-канцлера Наббана.

– Патрис Клавес, – сказала она, – вы видели герцога сегодня утром? Вам известна причина, по которой он отсутствует?

Идекс, стройный мужчина, который очень редко улыбался, покачал головой.

– Я отправил стражей в Санцеллан Маистревис. Полагаю, отсутствие герцога связано с какими-то незначительными проблемами. Из нашего утреннего разговора я знаю, что герцог собирался быть здесь, ваше величество.

– Тогда почему его нет? – выкрикнул из гущи сторонников Буревестника, расположившихся с другой стороны зала, другой Патрис, пухлый старейшина из Дома Ларексеан. – И где граф Друсис? Неужели его отправили в одну из темниц герцога, пока мы отвлеклись? Быть может, его сейчас пытаются?

– Заткни свой рот, Флавис, – сказал Идекс, – или я подойду и сделаю это за тебя, предательская свинья. Мы все прекрасно знаем, кто организовал безобразия во время свадьбы, и ты в них участвовал!

Со всех сторон раздались крики, пока Мириамель не приказала стражникам, выстроившимся вдоль задней стены, сделать шаг вперед и ударить древками длинных копий о пол, в результате чего шум стих, но совсем незначительно. Тогда она подала новый сигнал, и солдаты начали стучать копьями о щиты, полностью заглушив крики и обмен оскорблениями. Мири заметила, что сэр Юрген собрал ее эркингардов и приготовился вмешаться, если королеве потребуется помощь, и даже граф Фройе, ветеран политических скандалов Наббана, шагнул к ее креслу, опасаясь начала мятежа.

– И это наследие великих императоров? – резко спросила Мириамель, когда в зале снова установилась тишина. – Доминиат, который когда-то правил миром? Клянусь всеми святыми, еще ничего не *произошло*, а вы подняли шум из-за того, что *не* случилось. Да, герцога здесь нет, и нам неизвестна причина его отсутствия. Также нет среди нас и его брата Друсиса. Но больше мы ничего не знаем, весьма возможно, что ничего и не произойдет. На самом деле, я уверена, что так и будет. Тем не менее вы ведете себя как дети, которых родители оставили без присмотра. Сегодня я стыжусь, что в моих жилах течет кровь Наббана, и я никогда не думала, что мне придется произнести эти слова.

– Ваше величество, – сказал с мрачным видом Риллиан Альбиас, вставая, точно один из древних ораторов. – Могу я кое-что сказать?

– Нет, – Мириамель встала, и Риллиан некоторое время в изумлении на нее смотрел, а потом обернулся к остальным собравшимся, которые, в свою очередь, беспомощно на него уставились. – Я не хотела вас обидеть, Патрис Альбиас, ни вас, ни кого-то другого, но время речей осталось в прошлом. Пришло время дать клятву верности не одной семье или другой, не этому дому или другому, но всему Наббану под руководством Верховного Престола. Если мы не можем это сделать без герцога Салюсера, то нет никакого смысла таким важным людям, как вы, сидеть здесь целый день. Мы готовы, но отсутствуют два лидера. Именем моего мужа, своим именем и властью Верховного Престола, в верности которому вы все поклялись, я закрываю сегодняшнее собрание. Мы найдем герцога и его брата и встретимся завтра в полдень, чтобы довести до конца то, что начали. И я не желаю больше ничего слышать. Ситуация слишком серьезна для споров.

Коллективный стон слетел с губ собравшихся аристократов. Многие из них прибыли в столицу всего на один день, и у них имелись планы и дела, которые они собирались осуществить до возвращения домой в провинцию, но, если они хотели бросить вызов оппозиции в Наббане или даже предложить силовую поддержку одной из сторон, никому из них не хватило дерзости поставить под сомнение волю королевы. Мири жестом предложила Фройе и сэру Юргену следовать за ней, после чего вышла со своим небольшим отрядом из Зала Доминиата. Патриси смотрели ей вслед, некоторые – так ей показалось – с нескрываемым неудовольствием, другие с восхищением, скорее ее смелым использованием власти, чем принятым решением.

– Все недовольны, – тихо сказал Фройе, когда они шли между рядами стражников Доминиата. – Я приношу извинения за свои слова, ваше величество, но вы всегда говорили мне, что хотите слышать правду, а не то, что удобно и приятно.

– Если честно, граф, – сказала Мириамель сквозь стиснутые зубы, – меня уже не слишком интересуют удовольствия тех, кто живет в этом ядовитом городе, полном злобы и клеветы.

Сейчас я лишь хочу дать понять, что Верховный Престол не станет терпеть бессмысленные склоки и постоянные угрозы миру, который мой дед сюда принес.

На лице Фройе появилось странное выражение.

– У вас общая с ними кровь, ваше величество. И вы лучше других знаете, что наббанайцы более всего хотят не мира, а богатств соседей. Так было всегда.

– Тогда мой долг состоит в том, чтобы это изменить, – ответила она, чувствуя, какими пустыми кажутся ей собственные слова. – Однако сейчас я хочу выяснить, куда, именем Господа, подевался герцог Салюсер.

– И его брат, – добавил Фройе.

– Это меня интересует гораздо меньше, – ответила Мириамель. – По мне, так Друсис и Далло могут вместе отправляться к дьяволу, и я с радостью оплачу им дорогу.

Брат Этан смотрел на пик Ста-Мирор, который становился все выше, заполняя собой небо. Гора доминировала над Пердруином, точно запеченный кабан, которого на подносе поставили на середину стола, – остров с портом, где кипела жизнь, расположился в небольшой бухте, самое место, чтобы засунуть яблоко в раскрытые челюсти кабана. Этан радовался, что покидает Наббан, но картины другой необычной страны, открывшиеся перед ним с борта лодки, наполнили его меланхолией.

Лорд Тиамак сказал, что мужчине полезно увидеть мир, и Этан очень многое успел повидать за время своего путешествия: от сырых туманных болот Вранна до пустынных волнистых дюн южных пустынь. Он ел то, что, по его прежним представлениям, ни один человек не может даже взять в рот, в том числе зажаренную саранчу на деревянных переходах Кванитупула, а также голову козы, торжественно предложенную ему торговцем на границе пустошей Наскаду, когда Этан путешествовал на своем ялике. Этан не стал есть глаза козы, хотя торговец не понял, почему он отказывается от такого потрясающего деликатеса, но Этан объяснил, что ему не позволяет религия (впрочем, он вряд ли сумел бы отыскать место в Книге Эйдона, где хотя бы упоминались глаза козы). Он не хотел оскорбить торговца, очень доброго и гостеприимного хозяина, но недавно обретенная Этаном широта взглядов не распространялась *настолько* далеко.

Последняя часть путешествия, которую организовал для него Мади, оказалась не такой приятной. Капитан маленького торгового судна, курсировавшего вдоль побережья, также сильно стремился покинуть Наббан, как и Этан, и охотно взял серебро монаха в качестве компенсации отсутствия прибыли после неудачной торговли в городе. Огромные рынки были закрыты по приказу Санцеллана Маистревиса после столкновений между правящими фракциями – в некоторых случаях превратившихся в настоящие сражения, – торговые павильоны горели, а умирающие люди истекали кровью на мостовых. На улицах и на рынках стало небезопасно, повсюду рыскали вооруженные банды, использовавшие общественные беспорядки, чтобы безнаказанно грабить путешественников, а иногда убивать их просто ради развлечения. После того как он узнал все, что возможно, о днях принца Джошуа, проведенных среди братьев Усириса, Этан провел всего несколько ночей в жалкой гостинице рядом с портом, после чего решил, что пора двигаться дальше. Королеве Мириамель не будет грозить опасность на холме Маистревин с ее эркингардами и армией герцога, но скромный монах не имел подобной защиты, пусть он в определенном смысле и являлся королевским посланцем.

Но посреди всего этого хаоса, в местах, где Этан постоянно опасался за свою жизнь, Мади и два его юных отпрыска чувствовали себя счастливыми, как свиньи в мире, состоящем из

грязи и навоза. По мере того как денежные запасы Этана убывали – а он уже давно научился делить пополам любую сумму, которую просил у него Мади, перед тем как начать торговлю со своим слугой и проводником, юные Парлиппа и Плектó взяли на себя обязанность наполнять семейные сундуки при помощи самых разнообразных краж и мошенничества, от кошельков до попрошайничества, – при этом они прикидывались калеками.

После того как парочка маленьких негодяев получила милостыню, а потом обокрала важного сановника в городе Разина, Этана и их отца схватили местные стражники и едва не повесили как преступников. Этану пришлось отдать существенную часть оставшихся у него денег, чтобы откупиться от местных властей. На самом деле, сомнительная семейка оставляла за собой след мелких преступлений по всему пути брата Этана, но события в Наббане приобрели скандальный характер. Однажды Этан вернулся в гостиницу и обнаружил, что дети прячут чью-то лошадь в его комнате, которая находилась на самом высоком, третьем этаже. Он так и не понял, как им удалось провести ее мимо владельца гостиницы, но Плип и Плек, как любовно называл их отец, не только отказались рассказать, где украли лошадь, но и сделали вид, что понятия не имеют, как она оказалась в его маленькой комнате.

Однако теперь он гораздо лучше понимал, что имел в виду лорд Тиамак, когда говорил, что мужчина развивается, когда видит мир. Тем не менее главным чувством, которое испытывал Этан, наблюдая за приближающимся Пердруином и огромной центральной горой, была тоска по дому.

Ну а изнеможение следовало сразу за ним.

Даже после стольких лет Этан видел следы огня, уничтожившего все вокруг дома, где когда-то жила Хранительница манускрипта леди Файера, в одном из кварталов густо населенного сетро рядом с доками, который местные жители называли Котелок. Большую часть домов давно отстроили, но от церкви, бывшей здесь самым высоким зданием, осталась лишь груда камней, наполовину засыпанная землей, хотя она все еще сохранила грубые очертания Святого Дерева. Частично выстояла лишь наполовину рухнувшая стена башни, где находился вход, однако на ней по-прежнему остались следы огня, несмотря на десятилетнюю работу дождей и ветров.

– Я был здесь ризничим, – сказал кто-то у него за спиной на превосходном вестерлинге. – Мы передавали друг другу ведра с водой из порта, но так и не сумели остановить пламя.

Этан повернулся и увидел пожилого согбенного мужчину, глаза которого сохранили зоркость, а выражение лица позволяло предположить, что с головой у него все в порядке, и у Этана сразу появилась надежда. Он уже говорил со многими местными жителями, но никто из них не узнал имени Файеры и не вспомнил о визите принца Джошуа.

– Вы здесь жили? – спросил Этан.

– Каким бы ризничим я был, если бы жил в другом месте? В те дни мы жили и умирали, продолжая служить одной церкви. – Он покачал головой и задумчиво потер кончик солидного носа. – Не так, как сейчас, когда люди бродят, как нищие, пытаясь отыскать место получше, неизменно завидуя тем, кто получает больше.

Этан кивнул, не столько соглашаясь, сколько стараясь подбодрить старика, чтобы он продолжал говорить.

– А как здесь все было до пожара? – спросил Этан.

Достойный сын церкви оглядел его с головы до ног, отметил монашеское одеяние, старое и грязное, явно после долгого путешествия.

– Как и большинство других мест, я полагаю. Полное грешников и глупцов. Если бы не Мать Церковь, Господь сжег бы весь мир, как Он сжег эти дома. Как Он сжег нашу церковь. – Складывалось впечатление, что старик так до конца и не простил Бога.

– А вы помните женщину, которая здесь жила? Ее звали Файера – леди Файера.

Мужчина вздрогнул и отступил на шаг.

– Ведьма? – Он сотворил Знак Дерева, и на мгновение Этану показалось, что он сейчас сбежит.

– Значит, ее так называли?

– А как еще ее могли называть? – Казалось, любопытство мешалось в старике с тревогой, и в результате он раскачивался, точно деревце на ветру. – Огромный дом, полный языческих книг, странные гости, которые приходили к ней в любые часы дня и ночи – и даже в святые дни, когда им следовало стоять на коленях и молиться! – Он снова сотворил Знак Дерева. – Вы ведь божий человек, не так ли, сэр? Из какого-то странствующего ордена, делаете добрую работу. Или вы из тех, кто когда-то носил сутану, но отказался от своего сана? Почему вы спрашиваете о такой женщине, быть может, вы ее даже знали?

– Назовите мне ваше имя, сэр, ради любви Усириса и Его Святого Отца, а я назову вам свое и отвечу на ваши вопросы.

Старик нахмурился, его явно раздирали противоречивые чувства.

– Бардо. Бардо из церкви Святого Кузимо, как меня называли когда-то, – наконец ответил он. – Многие зовут так и сейчас, хотя церковь погибла много лет назад.

– Пусть Бог дарует вам долгую здоровую жизнь, добрый Бардо. Я брат Этан, и я открою вам секрет.

Этан вспомнил, что ему однажды сказал Тиамак, когда говорил о рыбе, которую нужно поймать, чем в детстве и юности регулярно занимался вранн.

«Когда рыба начинает клевать, ты должен замереть, – сказал Тиамак Этану. – Это время, когда любое резкое движение может ее спугнуть, и больше она уже не попадется на твой крючок».

Этан осторожно достал из сутаны письмо. Он носил его так долго, что оно совсем не походило на свиток, а больше напоминало мясо, которое тритинги возят между седлом и спиной лошади. Ему пришлось разворачивать его очень осторожно, чтобы не порвать, – пергамент сплюснулся, и процесс стал очень непростым. Закончив, Этан поднес его к носу мужчины.

– Вы можете его прочитать?

– Я... мои глаза уже не так хороши, как прежде, – ответил Бардо. – К тому же я никогда много не читал, – вызывающе добавил он.

– Но вы ведь видите печать, верно? Это королевская печать Верховного Престола Эркинланда. Король и королева послали меня, чтобы найти Файеру, если она еще жива, и задать ей несколько вопросов. И я уверяю вас, что у меня самые праведные намерения.

Старик нахмурился, наклонился поближе к пергаменту, но лишь повинуясь рефлексу, а потом поднял взгляд.

– И что вы хотите знать, брат Этан? – наконец спросил бывший ризничий. – Что вам может сказать старый Бардо? Да, я знавал ведьму в те дни – или *леди*, если вам так больше нравится.

Этан обратил внимание на тонкие запястья старика, небритые щеки и рваный плащ, который он надел в такой жаркий день, вероятно, чтобы скрыть еще более старую одежду под ним.

– Я отвечу вам, сэр, но сегодня я шел все утро и ужасно проголодался. Есть ли здесь поблизости место, где мы могли бы перекусить – и выпить по чаше эля?

Бардо колебался.

– Надеюсь, вы не станете возражать, если я потрачу немного денег Верховного Престола ради вашего комфорта? – спросил Этан.

Бардо облизнул губы.

– По правде сказать, здесь есть таверна у подножия холма, куда я иногда захожу. У хозяйина всегда найдется несколько жирных перепелов на вертеле. – Он вытер губы тыльной стороной ладони. – И эль... он там весьма хорош.

В тот день, много лет назад, Джеса и один из ее старших братьев стояли у входа в пещеру, прорытую в скалистой горе – и то и другое, большая редкость в равнинном болотистом Вранне. Тогда она была маленькой и пошла за Хото, не зная, что он хотел ей показать, или почему скрыл от остальных их поход. Но когда они остановились около темной дыры в земле и Джеса посмотрела на серое небо, жаркое и влажное, которое нависало над деревьями, ей стало страшно, и Хото крепко схватил ее за руку, чтобы она не убежала. Вход в пещеру был похож на большой рот, точно пасть одного из многочисленных огромных кокиндролов, обитавших во Вранне, и она представила, что вот сейчас он ее проглотит. Она начала вырываться, но Хото лишь сильнее сжал руку.

– Не будь душой, – сказал он сестре. – Я просто хочу кое-что тебе показать. А теперь смотри. – Одной рукой он продолжал крепко сжимать ее запястье, а другой поднял камень, скатившийся со склона холма, и швырнул его в зияющую темноту.

Через мгновение Джеса услышала шуршание крыльев и пронзительный визг множества маленьких существ, которых было столько, что на несколько долгих мгновений они закрыли собой свет. Крылья задевали ее волосы, лицо и плечи, Джеса не понимала, что происходит, только видела, что мир вокруг погрузился во мрак и взорвался, развалившись на верещащие осколки. Она попыталась упасть на землю, но брат ее удержал, и только после того, как штормовая туча рассеялась, она поняла, что кричит от ужаса.

Хото хлопнул ее по макушке и выпустил руку.

– Прекрати орать! Тебя мама услышит!

Но Джеса не могла остановиться, и тогда он ударил ее еще раз. Наконец, рассерженный и пристыженный, Хото поднял сестру на руки – ее крики постепенно превратились во всхлипывания – и понес в дом. Хото не мог скрыть ее ужас, и мать страшно на него рассердилась, а он повторял снова и снова: «Но я хотел показать ей, где живут летучие мыши!»

Именно так Джеса воспринимала Санцеллан Маистревис в этот жуткий момент, когда повсюду бегали люди, кричали, что герцог исчез, кто-то его похитил или убил. И все, что Джеса могла сделать, не начать кричать, как в тот день, много лет назад. Только ребенок у нее на руках помог ей сохранить голову на плечах, и она прижимала к себе маленькую Серасину, точно амулет, но сердце Джесы билось так быстро, что у нее начала кружиться голова.

– Как такое может быть? – снова спросила герцогиня Кантия. Она рыдала, ее лицо было влажным и красным, но она резко отмахивалась от своих дам, когда они пытались вытереть ее слезы. – Где мой муж? Сотня стражников и никто его не видел? Что за безумие?

Джеса сидела на корточках в углу комнаты и укачивала Серасину, которую держала на руках. Кормилица попыталась накормить девочку, но даже ребенок почувствовал неправильность происходящего, девочка слышала тревожные крики и топот ног и отказывалась от груди. Джеса прижимала маленькую, гладкую как шелк головку к себе и тихонько напевала мелодию и обрывки слов, которые пели ей в детстве, когда она была напугана.

*Ветры штормовые дуют, дуют, дуют,
Но наш дом прочен, прочен, прочен.*

*Дождь падает на землю, на землю, на землю,
Но наша крыша высока, высока, высока...*

Вошла королева Мириамель и села рядом с Кантией. Она почти ничего не говорила, чтобы успокоить герцогиню, но взяла ее за руку. Как всегда, Джеса восхитилась спокойной силой королевы. Лицо не выдавало ее чувств, лишь легкая гримаса говорила про неудовольствие, когда начинала кричать или плакать одна из горничных.

– Хватит, – сказала королева служанке, бесполезной болтливой идиотке, которая, как часто думала Джеса, и часа не прожила бы во Вранне, а сразу забрела бы в гнездо ганта или пасть кокиндрила. – Герцогиня нуждается в твоей помощи, а не в рыданиях. – Она посмотрела на Джесу и ребенка, потом снова перевела взгляд на служанку. – Где юный Бласис?

Лицо горничной потеряло форму от страха и превратилось в ложку пасты болотного ямса.

– Он... он со своим наставником, – сказала она, подыскивая нужные слова. – Это день... сегодня день занятий. Он их ненавидит, но герцог настаивает... – При мысли о герцоге ее рот перекосялся, словно она снова собралась заплакать.

– Тогда найди и приведи его сюда, – сказала королева, и ее слова прозвучали твердо и звонко, как молоточек ювелира. – И его наставника. Они могут продолжать уроки здесь.

Горничная сделала неуклюжий реверанс и бросилась к двери.

– А ты иди с ней, – велела королева другой горничной, которая хотя бы не кричала и не плакала. – Найдите наследника герцога и приведите его сюда.

– Но что могло произойти? – снова спросила Кантия. Одна из ее дам принесла чашу вина, и герцогиня не глядя ее взяла и выпила до дна. – Где может быть Салюсер?

– Его найдут, – сказала королева Мириамель. – Ты увидишь. Но помни, ты герцогиня – сердце Наббана. Неужели ты хочешь, чтобы враги герцога сказали, что ты развалилась на кусочки при первых признаках неприятностей?

– Первых признаках! – От гнева и ярости голос Кантии дрогнул, и на мгновение Джеса испугалась, что она ударит королеву. – Первых признаках? В течение последних месяцев не было ничего другого, кроме неприятностей! Это все Друсис, проклятый, подлый предатель, который мутит воду! И ядовитый змей, граф Далло... – Голос Кантии стал пронзительным, и все в комнате посмотрели на нее. Она наконец поняла, что привлекла всеобщее внимание, и замолчала, тяжело дыша. – А теперь они забрали моего мужа!.. – И вновь из ее глаз брызнули слезы и покатались по щекам.

В этот момент дверь комнаты отдыха распахнулась, и графиня Алурея, жена графа Риллиана, влетела в комнату в сопровождении смущенных стражников, которые явно не понимали, следовало ли ее впускать. Когда Джеса взглянула на смертельно бледное лицо и широко раскрытые, как у филина, глаза Алуреи, внутри у нее все сжалось от страха, такого сильного, что она едва не уронила ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.